

Анна
Айдарова

Анна Айдарова

Строптивая для братьев-драконов

«Литнет»

2026

Айдарова А.

Строптивая для братьев-драконов / А. Айдарова — «Литнет», 2026

Насоби́рала я однажды травки в лесу неподалёку от родной деревушки, привезла на ярмарку. А потом — бац! И добро пожаловать в Академию строптивых невест! Здесь учат этикету, танцам и соблазнению. Здесь готовят идеальных жён для драконов. А я просто хочу получить обещанные деньги. Но есть проблема: Дэйнар — голубоглазый красавчик, который привык, что девушки падают к его ногам. А я не падаю, вот досада! Рогнар — строгий преподаватель с зелёными глазами. Он шипит на меня за каждую ошибку, но почему-то всегда прикрывает. Надёжный ящер. Но оно мне... тоже не надо! Они оба ходят за мной, как хвост за драконом. А я... я просто хочу домой. Или нет?.. Книга участвует в литмобе «Академия строптивых невест». С другими книгами моба можно познакомиться здесь ->

© Айдарова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Девушка из Шепчущего Брода	7
Глава 2. Яра	9
Визуалы. Яра на ярмарке	12
Глава 3. Дэйнар	13
Яра и братья-драконы	18
Обращение к читателям	19
Глава 4. Яра	22
Глава 5. Яра	24
Глава 6. Дэйнар	27
Глава 7. Яра	30
Глава 8. Яра	34
Глава 9. Яра	38
Глава 10. Яра	41
Глава 11. Рогнар	43
Глава 12. Дэйнар	49
Глава 13. Рогнар	54
Часть 2. Академия драконьих невест	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

Она стоит на краю обрыва.

Нежно-розовое платье треплет ветер — такой сильный, что ткань хлопает, как парус. пышные юбки, с оборками, кружевами, бисером прижимаются к ней, облекая стройные ноги. Светлые волосы, почти белые, разметались по плечам, закрывая лицо. Она дрожит. Я вижу, я ощущаю буквально, как дрожат её плечи — от рыданий, нет, хуже — истерики, как пальцы вцепились в лицо — так сильно, что побелели костяшки ее тонких пальцев.

— Леди Элисса, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче. — Пожалуйста, подойдите ко мне.

Она не реагирует. Только сжимается ещё сильнее — будто хочет стать маленькой, незаметной, исчезнуть.

— Миледи, пожалуйста, — прошу я. — Клянусь, я вас не обижу. И брат тоже. Всего шаг, миледи. Пожалуйста.

Я протягиваю руку к ней. Но это вызывает только новый приступ истерики:

— Не подходите, — голос срывается на всхлип. — Не трогайте меня. Не смейте!

— Я не трону. Обещаю. Просто... — делаю осторожный шаг вперёд. Гравий хрустит под сапогом. — Мы поговорим. И всё. Только один шаг. Клянусь, я отойду, хотите? Посмотрите, леди Элисса! Пожалуйста, взгляните! Я отхожу. Видите? Только шаг, и все! И мы поговорим.

— Не подходите! — кричит она. В голосе — истерика, такая острая, что у меня мурашки бегут по спине. — Не трогайте меня! Не трогайте!

Она мотает головой, и волосы на миг, подхваченные ветром, открывают ее лицо — бледное, мокрое от слёз, с огромными глазами, полными ужаса.

— Я знаю, что вы сделаете со мной, — прошептала она. — Я знаю! Сначала — игрушка, сделаете из меня куклу для удовлетворения своей похоти. Потом — беременность. Потом — ещё одна. А когда я перестану быть нужна — вы меня вышвырнете. Или... или... сожжете, чтобы не позорила вашу семью. Не хочу, ненавижу! — выкрикивает как выплевывает она. — Вы не дети богов, вы проклятие! Лучше в монастырь, лучше в приживалки! Куда угодно лучше, только не замуж за дракона!

Она вдруг начинает смеяться. Ее белые волосы, длинные, недавно красиво завитые и уложенные — за работу парикмахера отдали пару золотых монет точно, семья ее постаралась произвести впечатление — развеваются на ветру, и даже сейчас, растрепанные, перепачканные землей, красивы.

— Леди Элисса, никто вас не вышвырнет, — я делаю ещё шаг. Сердце колотится где-то в горле. И я рад, что позади меня замер Дэйнар — я чувствую его напряжение, как электричество в воздухе. Он готов обернуться в любой момент. — Я даю слово, миледи. Это всего лишь поездка в город. Вы получите образование, достойное девушки вашего положения. И никто не принудит вас выходить замуж, если вы сами этого не захотите, леди Элисса, даю вам слово!

— Слово дракона? — она смеется, запрокидывая голову, — надтреснуто, страшно, почти безумно.

— Слово джентльмена.

— Ваши слова ничего не стоят! Вы все одинаковые! Мою сестру... мою сестру выбросили, как тряпку! Она вернулась — седая, старая, а ей было всего лишь двадцать! Двадцать! А вы говорите — «не трону»!

Я замираю. Да, я знаю эту историю. И..

— Клянусь, — говорю я уверенно и спокойно. — Я не сделаю вам плохо. И обещаю защищать вас, миледи. Клянусь своей магией.

Она смотрит на меня. И ее взгляд полон такого отчаяния, что у меня сжимается сердце. Я чувствую, как оно сжимается — буквально, физически. Боль в груди. И кислый привкус страха на языке.

— Пожалуйста, — я протягиваю руку. — Мы уедем отсюда. Я отвезу вас домой.

Она смотрит на мою ладонь долгую секунду. Две. Три.

Потом медленно качает головой.

— Нет. Вы врётё. Все вы врётё. Вы всегда врете!

Она делает шаг назад.

— Нет! — я пытаюсь податься вперед в безумной надежде успеть... но она пятится. Её нога скользит по мокрой траве. Мелкие камни под ногами... Один из них предательски срывается вниз. Он катится с таким грохотом, что мне хочется заткнуть уши.

Элисса вскрикивает. Резко. Пронзительно. Беспомощно хватается за бесполезный воздух.

Я бросаюсь вперед, чувствуя как за моей спиной взмывает в небо голубой дракон.

— Дэйнар! — кричу я, но он уже устремляется вниз, за ней.

А я падаю на колени на краю обрыва — так резко, что камни впиваются в колени, в ладони, раздирая кожу. Я чувствую, как острая кромка врежется в плоть, как по пальцам течёт тёплое, липкое. Но боли нет. Только страх — липкий, холодный, заполняющий лёгкие, мешающий дышать.

Смотрю вниз.

Дэйнар пикирует вниз. Его синяя чешуя сверкнула в лучах заходящего солнца — и гаснет, когда он ныряет в тень утёса. Когтистые лапы подхватывают маленькое розовое пятнышко. И Дэйнар взмывает вверх, на выступ.

Я слышу глухой удар — и сдавленный рык брата. Камни, осыпающиеся с утеса, их немного, но увернуться брат не успевает, прикрывая девушку.

Розовое платье порвано, розовую юбку треплет ветер, светлые волосы длинной волной развеваются на ветру. И умиротворенное, почти счастливое лицо...

Дэй с усилием взмахивает крыльями и опускает леди Элиссу на траву. Оборачивается в нашу человеческую сущность. Девушка очнется сейчас, зачем пугать ее еще больше...

Лицо брата в крови — рассечённая бровь, глубокая царапина на скуле, разбитая губа. Из раны на плече сочится кровь, портя белоснежную щегольскую рубашку тёмными пятнами. Он даже не замечает.

— Она... — прохрипел он. — Она ещё...

Я подползаю к ней. Ладони скользят по мокрой траве, оставляя кровавые следы. Но никакой боли я не чувствую. Только тяжесть в каждой клеточке моего тела.

Касаюсь её шеи. Кожа — холодная, слишком холодная. Пульса нет. Не верю и проверяю еще раз.

— Она умерла ещё в полёте, — говорит брат где-то рядом. Голос глухой, чужой. — Сердце не выдержало.

Дэйнар отворачивается. Вытирает кровь.

А я смотрю на её лицо. Молодое. Красивое. Она лежит с закрытыми глазами — как будто спит. Улыбка. Нежная кожа. Волна белых, завитых утром у парикмахера волос... как саван...

Мы не успели.

Я не успел.

Я сижу на траве, сжимая её холодную руку, и чувствую, что земля уходит из-под ног. Реальность трескается по швам.

Это я. Это я не уговорил. Это я сделал шаг — и она испугалась. Это я...

— Рогнар, — голос брата доносится откуда-то издалека. — Брат. Нам нужно...

Часть 1. Девушка из Шепчущего Брода

Глава 1. Рогнар

— Рогнар!

Я просыпаюсь в поту и слезах от того, что кто-то зовет меня по имени.

Меня трясет, как от лихорадки. Сажусь на кровати, вцепившись в простыни так, что ткань трещит в сжатых ладонях. Сердце колотится так сильно, что я чувствую его удары в висках, в кончиках пальцев, в каждом позвонке.

Лёгкие отказываются дышать. Я делаю вдох — и воздух не проходит внутрь. Ещё раз. Ещё. В горле пересохло, язык прилип к нёбу.

Я смотрю на свои руки. Они дрожат. В ладонях — призрачная боль. Царапины зажили быстро, но саднят до сих пор. Я помню, как камни впивались в кожу на краю обрыва. Я всё ещё чувствую это.

За окном стоит коварная ночь. Луна светит в высокие окна, отбрасывая бледные полосы на каменный пол. Где-то далеко царственно ухает филин и ему отвечают брехливым лаем деревенские псы.

Я провожу ладонью по лицу. Мокрое. Пот смешался со слезами — снова. Я не смогу. Никогда простить.

— Рогнар, — зовет знакомый голос. Мой голос.

Поднимаю голову.

В дверях Дэйнар. В одной рубашке, босиком, с растрёпанными чёрными волосами — они торчат во все стороны, как после драки. Всегда такой. Вертится во сне за нас двоих. И поутру всегда выглядит так, будто его переехала карета. И при этом улыбается. Всегда.

Сейчас левая рука его перевязана, на повязке проступили бурые пятна. Щеку пересекает длинная царапина, ещё свежая. На скуле — синяк, уже начавший желтеть.

Я боюсь, что меня сейчас вывернет. Не сон. Это случилось. Я не смогу. Никогда.

— Ты чего не спишь? — спрашиваю я хрипло. Голос не слышится.

— А ты? — он заходит в комнату, чуть прихрамывая, и тяжело опускается в кресло у кровати. Старая кожа скрипит и издает другие нелицеприятные звуки, пока брат пытается устроиться удобнее. — Опять этот сон?

Я молчу. И так все понятно. И я всё ещё чувствую её холодную ладонь в своей руке.

— Рог, — брат наклоняется вперёд, опираясь локтями на колени. Бинт на руке натягивается, и я вижу, как он морщится — но молчу. — Это не наша вина. И совершенно точно не твоя.

— А чья?

— Отца. Короля. Этой чёртовой системы. Но не наша.

Я смотрю на него. Голубые глаза — такие же, как у матери, — смотрят серьёзно, без обычной насмешливости. Под глазами — тёмные круги. Значит, тоже не спал.

— Мы её не спасли, — выделяю слово “мы”. — И сваливать...

— Мы не успели, — возражает брат. — Это разные вещи.

Понимаю его желание снять с меня вину. Но девушка...

Я отворачиваюсь к окну. Луна висит низко, почти над самым горизонтом. Холодная. Белая. Мертвая. Как её лицо.

Дэйнар снова ерзает в кресле, устраиваясь поудобнее, и говорит:

— У меня есть идея.

— Я знаю эту твою идею, — буркаю я, не оборачиваясь. Ничего не могу с собой поделать, это выше моих сил. Молюсь только, чтобы голос не сорвался. — Все твои идеи всегда заканчиваются тем, что мы в дерьме по уши.

— Слушай, я хотя бы думаю, как нам выкрутиться! — раздосадованно бросает он.

— Чем?

Брат подавляет смешок. И улыбается. Та самая улыбка, которую я ненавидел и обожал одновременно — уголки губ дёргаются вверх, в глазах загорается безумный огонёк. Улыбка человека, который собирается сделать очередную авантюрную глупость.

— Короче, братик, — сказал он. — В это воскресенье здесь, в этом самом захолустье, пройдет ярмарка. Деревня, кстати, называется Шепчущий Брод. Смешно, да?

— Ближе к делу, — сурово требую я.

— Сюда съедутся крестьяне со всей округи. Неужто мы не найдем девчонку, похожую на леди Элиссу? Да оно нам надо, копию искать? Так, в общих чертах! Найдем же!

Я замер.

— Не понимаю. К чему ты клонишь?

— К тому. Никто не заметит разницы. Лисса сирота. Опекуну не до нее точно, вспомни, с какой радостью он сбавил ее в школу невест: и королю угодил, и ото рта лишнего избавился, и приданного давать не надо. Что, думаешь, он интересоваться ею будет? А если и будет, то с целью убедиться, что девчонка не вернется.

— Ты предлагаешь... — я повернулся к нему, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая, мутная волна.

— Подменить, — закончил он. — Взять первую попавшуюся крестьянку, привезти в академию вместо Лиссы. А там... ну, как-нибудь выкрутимся. Денег дадим. Да крестьянской девчонке за счастье будет пять монет получить за плевою работу! Дадим десять — в ноги нам еще кланяться будет. Крестьянки, они практичные, — с жаром говорит брат, аж вскочил от эмоционального спича.

Я его энтузиазма разделить не могу. Под моим суровым взглядом Дэй возвращается в кресло.

— Ты сошёл с ума, — констатирую я.

— Возможно, — он вновь встает. Кожаное кресло опять скрипнит, отпуская Дэя из своих кожаных лап. — Но если мы приедем в Академию без девушки, отец нас убьёт. Совет — тоже. А я, знаешь ли, ещё не нагулялся.

Он разворачивается и решительно направляется к выходу, чуть подволакивая правую ногу. Молодец, и на жалость надавил, и чувство вины мое подкормил, и дал понять, что гениальный план обсуждать не намерен. В дверях обернулся.

— Одевайся, брат. У нас есть сутки, чтобы найти новую невесту.

Дверь за ним закрывается. Я остаюсь один на один с луной и чувством вины. Сажусь на кровати, сжимая простыни, и смотрю на свои руки. Ладони всё ещё помнят боль и острый холод камней. А пальцы — холод её кожи.

За окном снова ухает филин.

Где-то в коридоре скрипят половицы — Дэйнар. Пошел собираться. Намерен воплощать гениальную разработку в реальность.

Я закрываю глаза. На секунду.

Розовое платье. Белые волосы развеваются. Руки прижаты к лицу.

«Не трогайте меня! Не подходите!»

— Идиот, — говорю я тихо.

И встаю.

Глава 2. Яра

Ярмарка в Шепчушем Броде — это тебе, конечно, не городской базар с чопорными купцами и завышенными ценами. Тут всё по-честному: шумно, людно, воняет навозом и жареным луком, а бабы торгуются так, что мужики за пазуху прячутся.

Я обожаю ярмарки.

Пришла я сюда с самого утра, пока солнце только-только выглянуло из-за холмов. Корзина с травами тянула плечо, но внутри всё пело от предвкушения. Мята, зверобой, ромашка, душица — всё это я сушила неделями, развешивала пучками под крышей, ворчала на дождь и радовалась солнцу. И вот теперь — торг.

Мята у меня особая — с мелиссой мешана, от живота так лучше всякого лекарства. Да и зверобой я собираю на рассвете, пока роса не сошла, тогда он силу даёт такую, что хворь как рукой снимает. А ромашку — на Ивана Купалу, и самую нежную во всей округе. Душицу — в полнолуние, для самых сладких снов.

Платье я надела своё лучшее — ситцевое, с мелкими розовыми цветочками по палевому полю, с пышной юбкой и рукавами-фонариками. Мать говорила, что в нём я похожа на пирожок с вишнёвым вареньем. Эх, от парней таких комплиментов дожидаться — что дождя зимой.

Волосы я заплела в тугую косу — такую толстую, что она сама по себе весила как добрый мешок картошки. И воткнула в неё полевые цветы: васильки, колокольчики, пару жёлтых лютиков для настроения и один большой красный мак — чтобы все точно оборачивались. Пусть видят — девушка при параде.

Щёки у меня сами собой разрумянились с утра — то ли от ветра, то ли от предвкушения выручки. А может от того и от другого. А что? Вот выручу сегодня аж сто медяков, так нам до осени и хватит!

Я устроилась между прилавком с мёдом и палаткой кузнеца. Хорошее место: запахи приятные, публика ходит разная, да и кузнецов помощник, молодой Томас, то и дело поглядывает в мою сторону, делая вид, что подковы раскладывает.

— Травки, травки! — запела я, когда толпа начала густеть. — Сушёная мята — от живота! Зверобой — от любой хвори! Ромашка нежная — чтоб спали спокойно, а душица — чтоб сны сладкие снились!

Подходил народ. Кто понюхать, кто поторговаться, кто просто на девушку поглазеть. Я улыбалась во все свои тридцать два зуба, отвешивала пучки, сыпала пригоршнями, прикидывала в уме барыш. И улыбалась еще шире. Торговлишка-то шла.

Торговалась я умело. Сначала цену называла в два раза выше, чем хотела получить. Бабы ахали, мужики кряхтели, отходили, да возвращались, а я им и цену поприятней, и поторговаться, значит, чтоб они прям себя рачительными хозяевами чували да девушку, меня то есть, жалели. И так к середине утра я уже чувствовала в кармане приятную тяжесть медяков.

— Ярка, слышь! — окликнул меня знакомый голос.

Я подняла голову — травки пересчитывала — да глянула с улыбкой. Томас, помощник кузнеца, стоял у своего прилавка и наглаживал подкову, которую и без того уж наполировал в ладонях до блеска. Рыжий, веснушчатый, с ручищами, что твои колоды, и все в саже, и нагловатой улыбкой. А что ему б и не улыбаться — поди, девчачьих взглядов-то за сегодня нахватался с лихвой! Ишь, как зубы скалит!

— Чего тебе, Томас? — спросила я, продолжая перебирать травы.

— Да вот думаю, — он облокотился на стол, — не купить ли у тебя душицы. Для настроения.

— Для настроения тебе не душица нужна, а хорошая взбучка, — парировала я. — Или работа настоящая. Смотрю, хозяин совсем не напрягает?

Он хохотнул. Соседки-торговки тоже захихикали, давно уж уши грели, а тут и затишье в торговле, да и солнце вона как высоко, скоро торг заканчивать, скучно.

Тётушка Марта, крестная моя, за соседним прилавком тоже уши развесила — любила она такие разговоры.

— А чего ты такая неприступная, Ярка? — не унимался Томас. — Парни сохнут, а ты — как каменная.

— Парни, которые на ярмарке подковы наглаживают, меня не интересуют, — я подмигнула да улыбнулась, чтобы не обидно было. Мамка все равно не отдаст, да и Томасовы родители травницу бедную вряд ли в своем доме захотят. — Ты бы лучше косу мне наладил. А я бы тебе скидку на душицу сделала. Да зверобойчика отсыплю, чтоб не заперло тебя.

Торговки заржали. Томас покраснел, крикнул.

— А если я косу налажу, ты со мной на танцы пойдёшь?

— А если я с тобой на танцы пойду, ты косу наладишь? — парировала я. — Ну уж нет, любезный. Сначала наладь, потом и посмотрим — травок тебе или танцы. Зубоскал!

Томас вздохнул театрально, почесал затылок и отошёл. Соседки одобрительно закивали. В деревне все знали: меня на пустые посулы не купишь. Я девушка хозяйственная, мне мужика надо, чтобы с пользой, а не так — языком трепать да на гулянках ноги топтать.

— Правильно, дочка, — сказала тётушка Марта. — Не давай ходу этому бездельнику. Он на прошлой неделе Мегги из пекарни посулы давал, а сам только и знай на пирожки косился.

— Знаю, — усмехнулась я. — Мне Мег всё уши прожужжала, какой он растакой, да кузнецом вот будет, да как она в шелку да бархату ходить будет.

— Разве что свиней кормить, — брякнула молочница, и торговки зачали тут обсуждать, что да как.

А я заприметила покупателей и снова запела про травки, пританцовывая в такт своим прибауткам. Юбка колыхалась, коса подпрыгивала на спине, цветы в волосах весело кивали прохожим. Красный мак особенно выделялся — как огонёк на моих белых волосах.

Торг шёл бойко. К полудню я продала почти всё, оставив только пару пучков мяты для дома. Карман приятно оттягивали монеты. Я прикидывала в уме: на эти деньги можно купить муки, соли и даже сестрице средней ленту в волосы — новую, шёлковую, не как прошлогодняя, пусть покрасуется. А ещё — отцу сапоги починить, матери на платок, сестричкам леденчиков, тоже ждут, мелкие. Хороший денёк выдался.

Я уже собиралась сворачиваться, когда заметила его.

Господин.

Он стоял поодаль, и вроде как ни при чем, у прилавка с кожаными ремнями, но смотрел не на товар. Смотрел-то он как раз на меня. Делал вид, что рассматривает ремни, а сам косился в мою сторону.

А глаза у него какие! Что твои васильки! Я таких глаз ни в жисть не видела — яркие, как небо в июле, и при этом с каким-то бесовским блеском. Чёрные волосы, дорогой камзол — не чета нашим деревенским мужикам в засаленных рубахах. И улыбка — такая, будто он знает про меня что-то, чего я сама ещё не знаю.

Красавчик. Знаем мы таких. Горы золота наобещает, красивых слов напоет лишь бы под юбку залезть. Слишком уж нагло пялился.

Я нахмурилась и отвернулась. Подумаешь, господин. Мало ли их шатается по ярмаркам от скуки. Может, травы ему мои понравились. Или просто делать нечего.

Я уж прилавок собирала, когда глаза подняла. И обомлела. Господин с голубыми глазами все у кожевника ошивался, а к нему подошел второй — ну как две капли, одно лицо! И волосы такие же чёрные, и камзол же дорогой камзол, такая же стать. Но глаза — зелёные. И взгляд такой... тяжелый... как горе какое пережил вроде.

Я таких и никогда не видела — чтобы так похожи, но так-то чтобы и разные.

Они о чём-то заговорили. И голубоглазый прям что-то горячо доказывал, руками размахивал. Второй — зеленоглазый — стоял с каменным лицом, слушал, потом резко возразил, кивнув в мою сторону.

В мою?

Я замерла.

Голубоглазый снова заговорил, заулыбался, хлопнул брата по плечу. Зеленоглазый поморщился, бросил на меня быстрый взгляд — такой острый, как ножом полоснул, — и снова отвернулся.

Да и ну их, посмотрят да и успокоятся. Господа, чего с них взять-то?

А когда снова оторвалась от своих сборов — чуть кошель с денежками не выронила.

Они смотрели на меня. Оба. И опять чего-то все спорили.

— Чего это господа драконы на тебя вылупились?

Тётушка Марта тоже их заметила. Да их не приметить и невозможно было.

— А я почём знаю? — ответила, поправляя косу. — Может, травы им мои понравились?

— С такими-то рожами? — фыркнула Марта. — Они, милая, не на травы смотрят. Ты на себя глянь — покраснелась, как маков цвет, косища-то вон какая, платье в цветочек. Я б на их месте тоже паялилась.

— Тетка Марта! — возмутилась я, но внутри чего-то все ж ёкнуло.

Голубоглазый вдруг улыбнулся — и улыбка у него была такая, что у меня коленки предательски ослабли. Он сделал шаг в мою сторону, но зеленоглазый схватил его за локоть и что-то прошипел.

Они заспорили снова. Вот ж... господа одним словом! А я стояла, сжимая кошелёк, и чувствовала на себе два взгляда — голубой и зелёный, горячий и холодный.

— Травки, травки! — сказала я на всякий случай, но голос почему-то сел.

Никто не подошёл. Никто ничего не купил. Только теперь они оба смотрели.

Я свернула свой прилавок быстрее обычного. Пальцы слегка дрожали, когда я завязывала мешок. Сердце колотилось где-то в горле.

Я, конечно, понимаю, что красивая. Но чтобы так паяться — это уж неприлично. Может, у городских господ так и принято. Или они просто с голодухи, раз на деревенскую девушку запали.

Я подхватила корзину свою и, не оглядываясь, пошла себе с кузнецовым помощником попрощаться — да про косу напомнить.

Но спиной всё равно чувствовала — смотрят.

Визуалы. Яра на ярмарке

Глава 3. Дэйнар

— Я один пойду, — сказал я, поправляя воротник. — У меня это... лучше получается — с девчонками договариваться.

А Рогнар посмотрел на меня так, будто я предложил прыгнуть с обрыва. Прямо вслед за леди Лиссой.

— У тебя лучше получается? — переспросил он. — У тебя всё, что лучше получается, — это влипнуть в неприятности.

— Неправда, — небрежно бросаю я. — Я ещё очень хорошо танцую. И улыбаюсь.

— Мы не на бал собрались, Дэй. Ты все испортишь. Так что я пойду. А ты стой и не вмешивайся!

Я вздохнул. Брат — он конечно надёжный, но иногда такой зануда. Восемь минут разницы — а туда же, учит меня жизни.

Да и этот случай с девушкой... явно его выбил из колеи. Что бы про нас ни болтали, мы, драконы, вовсе не настолько бесчувственные твари.

— Слушай, — я развернулся к брату. — Ты видел, как эта травница на меня смотрела?

— Как на пустое место, — пробурчал Рог. — И она на тебя вообще не смотрела. Она смотрела *сквозь* тебя.

— Это она просто капризничает. Девушки любят, когда за ними бегают.

— Эта не побежит. Эта будет стоять на месте, а ты будешь бегать вокруг неё, как... — он задумался, подыскивая нужный образ.

— Как дракон вокруг своей сокровищницы? — подсказал я с улыбкой.

— Как дурак, — закончил брат. — Как дурак вокруг колодца.

Я закатил глаза. Рогнар сегодня в своём репертуаре — мрачен, как туча перед грозой, и так же неуступчив.

— Ладно, — сдался я. — А что ты предлагаешь?

— Подойти вместе. Ты будешь улыбаться, я — говорить. Деньги предложим. Вразумительные. И может, что еще... в рамках.

— А что, я не вразумительные предлагаю?

— Ты предлагаешь «немного покататься и вернуться с кучей денег». Звучит как бред сумасшедшего.

— Потому что это и есть бред сумасшедшего, — я развёл руками. — Мы собираемся уговорить крестьянку притвориться аристократкой. Это по-твоему вразумительно? Но ты еще какой вариант видишь? Отец...

Рогнар поморщился и промолчал. Но я видел, что он согласен. Еще бы. Он старший, его отец песочить будет долго и с удовольствием...

— Ладно, — сказал я. — Идём вместе. Но разговаривать первым буду я. А ты будешь стоять рядом и выглядеть... ну, как обычно.

— Как — обычно?

— Сурово. Чтобы она поняла, что нам не до шуток, и не наглела.

Рогнар посмотрел на меня долгим взглядом. Потом вздохнул.

— Идём. А то вон, торг уже заканчивается. Уйдёт девчонка, где мы еще такую найдем?

Мы догнали её за деревенской околицей.

Она шла по дороге быстрым шагом — так, что юбка развевалась, а коса подпрыгивала на спине. Корзина в руке раскачивалась, и оттуда выглядывали какие-то свёртки. Довольная. Выручку, видно, хорошую получила.

Я прибавил шаг. Рогнар — за мной.

— Девушка! — окликнул я. — Пойдите!

Она не остановилась. Даже шаг не сбавила.

— Красавица! — повторил я громче. — Пойди. Поговорить нужно.

— Я не глухая, нечего орать тут, милорд, — бросила она через плечо, мазнув по мне равнодушным взглядом. — Но нам с вами не по пути. И разговаривать не о чем.

— А откуда знаешь, красавица? Пойди. Предложение к тебе есть. Выгодное.

Она резко остановилась. Я едва не налетел на неё.

— Ладно, — буркнула она и развернулась ко мне. Глаза — сердитые, щёки покраснелись, косу на плече тербит. — Говорите. Только быстро. Меня мамка дома ждет.

Я улыбнулся самой своей обаятельной улыбкой — между прочим, от этой улыбки девушки обычно падали в обморок. Или хотя бы краснели. А терялись всегда и все. Кроме этой.

Она не покраснела, не больше, чем уже покраснелась от ходьбы. Даже не улыбнулась. Смотрела как на пустое место.

— Мы хотим предложить вам... работу, — сказал я. — Недолгую. Зато очень выгодную.

— Какую?

— Нужно... поизображать одного человека. Всего пару месяцев.

Она прищурилась.

— Человека? Или не человека?

— Человека, — вмешался Рогнар. — Девушку. Аристократку.

— Ну так и найдите себе аристократку, я-то вам, господа, зачем?

— У вас белые волосы, — быстро заговорил Рог, — и еще у вас, милая, явно есть соотношение, что выгодно, а что нет. И вы девушка честная, это видно. Мы долго за вами наблюдали. И мы заплатим.

— А где она сама, эта ваша леди?

— Уехала. Далеко. А нам нужно, чтобы...

— Чтобы я притворялась, — закончила она. — Это понятно. А зачем вам это нужно, милорды? Что-то не слыхала я, чтоб господа-драконы за девушками бегали. А вот что от вас все шарахаются... так про то и слыхала.

— Слушайте... звать вас как?

— Как звать, про то мамка знает, она и звать будет, а вам ни к чему вроде, — отшила Роба девчонка.

Она окинула нас взглядом — сначала меня, потом Рогнара, потом снова меня.

— А чего вы сами-то не можете притвориться? — спросила она. — У вас вон лица одинаковые. Может, один из вас в платье нарядится?

Я не сдержал смешок. Рогнар дёрнулся, будто его ударили.

— Девушка, — сказал он, и голос его стал жёстче, — речь идет только о взаимовыгодном контракте: вы нам поможете, а мы вам заплатим.

Скептический взгляд был ему ответом. А я ж предупреждал! Говорил! Но конечно, разве же Рогнар послушает младшего брата! Всезнающий Рогнар!

И я взял дело в свои руки:

— Красавица, — я нежно взял девушку за руку, хотел было приобнять и дернулся как ужаленный — девчонка ловко вывернулась и дерзко отвесила мне пощечину. Не больно, но настолько неожиданно...

— Вы, милорд, свои руки при себе держите! Дела так не делаются.

Рогнар вздохнул:

— У нас нет выбора. Вы нам очень нужны. Вы идеально подходите... ну, разве что вам бы похудеть немного...

Девчонка презрительно фыркнула.

— А работа совсем плевая, ничего сложного, — продолжал втолковывать ей Рог, переходя на более доступный для крестьянки язык. — Вы поедете с нами в королевскую академию, поживете там немного, поизображаете из себя прилежную ученицу. А мы вам за это заплатим. Золотом. Пожалуйста. У нас безвыходное положение.

Ну вот про это он зря. Теперь если она согласится, десятком золотых мы не отделаемся. Ох, братец!

— Безвыходное положение, — она кивнула. — А о моём кто подумает?

— Мы заплатим, — быстро сказал я. — Хорошо заплатим.

— Сколько?

Я посмотрел на Рогнара. Он кивнул.

— Десять золотых, — сказал я.

Она вытаращила глаза. Потом открыла рот. Потом закрыла.

— Десять... золотых? — переспросила она. — Это каких таких золотых? Круглых?

— Круглых, — подтвердил Рогнар.

— С короной?

— С короной.

Она замолчала. Я видел, как она считает в уме. Губы шевелились. Брови хмурились.

— Сто, — сказала она наконец.

— Что — сто? — не понял я.

— Сто золотых. Круглых. С короной.

Я посмотрел на Рогнара. Рогнар посмотрел на меня.

— Сто, — повторил он. — Вы... вы в своём уме?.. Вы получите возможность жить в замке, питание за счет королевской казны, полный сундук платьев, новые туфельки, ленты, шляпки — об этом мы позаботимся. И еще — это школа. Вы же еще получите прекрасное образование! И возможность выйти замуж за знатного дракона.

Девчонка презрительно хмыкнула. Да, последнее явно лишнее братец брякнул.

— А вы? — травница вздёрнула подбородок. — Вы просите меня бросить дом, семью, притворяться неизвестно кем, неизвестно где, неизвестно сколько. А если меня раскроют? Что тогда? В тюрьму? На плаху? Я ж не глухая чай, слухи-то и у нас ходят, да поправдивей ваших речей сладких.

— Никто вас не раскроет, — сказал я.

— А если раскроют? — она упёрла руки в бока. — Вы мне вашу голову в залог оставите?

Я хотел сказать, что оставлю. Но Рогнар меня опередил.

— Сто, — сказал он. — Сто золотых. По рукам?

Она прищурилась.

— По рукам, — сказала она. — Но деньги вперёд.

— Половину вперёд, — возразил Рогнар. — Вторую — когда закончим.

— Три четверти.

— Половину.

— Две трети.

— Половину, — повторил он. — И это наше последнее слово.

Она смотрела на него долгую секунду. Потом перевела взгляд на меня.

— А он всегда такой? — спросила она.

— Всегда, — вздохнул я. — И это ещё он добрый.

Она фыркнула. Потом выдохнула.

— Ладно. Половину. Но сегодня же. И чтобы золотом, а не посулами.

— Сегодня, — кивнул Рогнар.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Чего ржёшь, милорд? — она уставилась на меня.

— Да так, — я махнул рукой. — Вы себе цену знаете.

— А вы, значит, нет, — парировала она. — Раз торгуетесь да копейками бренчите. Я замер. Копейками? Сто золотых — копейки? Она что, с ума сошла?

Я посмотрел на Рогнара. Рогнар посмотрел на меня.

— Вы... вы понимаете, что сто золотых — это... — начал я.

— Это ваши проблемы, — перебила она. — Вы предложили работу — я назвала цену.

Не нравится — ищите другую дуру.

Она развернулась и намеревалась уже идти дальше.

— Пойдите! — крикнул я.

— Ну?

— Мы согласны. Сто золотых. Половину сейчас. Вторую — потом.

Она остановилась. Обернулась. Улыбнулась — впервые за весь разговор открыто и даже довольно.

— Вот и славно, — сказала она. — А вы, милорды, тогда идите, я сейчас корзинку пристрою и прибегу.

— Деньги только когда вы придете на постоянный двор, — строго буркнул Рогнар.

Девченка закивала.

— Да приду, милорд, приду. Только предупрежу да мамке привет передам.

Мы с братом переглянулись.

— Давай, красавица, я тебе корзинку помогу донести.

Я подхватил корзину. И правда тяжёлая — хорошо поторговала, видно. Домой покупки сделала... Травница не возражала.

— Так что с корзинкой, куда нести? — спросил я.

— Сначала — к тётушке Марте. Передам выручку и покупки. Потом — на постоянный двор. К вам. Заберу себя.

— Заберёте себя? — не понял я.

— Ну, — она поправила косу, — себя. Вещей у меня нет. Только то, что на мне. Но мне нужно переодеться. А то в этом платье я на аристократку не похожа.

— А в каком похожа? — не удержался я.

— Ни в каком пока, — она пожала плечами. — Так это, милорды, ваша забота.

Я рассмеялся. Рогнар промолчал. Но я видел, как его зелёные глаза следят за ней. Как он смотрит на её косу, на цветы, на улыбку.

Мне это не понравилось.

— Не пялься, — шепнул я ему. — Спугнёшь.

— Я не пялюсь, — тоже шепотом ответил он. — Я наблюдаю.

Рогнар пошел к гостинице — собраться и распорядиться об отъезде, а я поплелся за травницей.

До своей тетки Марты девица меня не пустила.

— Вы один раз корзинку принесете, а мне потом вовек не отмыться от пересудов, — буркнула она, отнимая у меня у околицы свою поклажу. — Идите уж, прибегу скоро.

Но я все равно подождал. Мало ли. Но нет, травница не обманула, вышла и направилась к постоялому двору. Я нагнал ее поближе к гостинице, пошел рядом.

На постоялом дворе нас ждала карета. Дорогая. С гербами. Чёрная, с серебряной окантовкой — отец не любил экономить на выезде.

Рогнар уже распорядился насчет вещей и отъезда и нервно ожидал на дворе. В каком-то смысле я его понимал.

Яра — как она представилась, когда мы шли от тётушки Марты — стояла у крыльца в своем платье. Вещи леди Лиссы ей не подошли, что уж тут. Лисса была хрупкой, тоненькой,

нежной. Яра же — по-своему тоже была хороша, но другой, здоровой красотой. И платье ее ей шло очень. Она только подвядшие цветы из косы убрала, а в остальном все в ней осталось по-прежнему. А в ближайшем городке мы предполагали остановиться на несколько дней и пошить ей достойный графской дочки гардероб.

Лицо у Яры было серьёзное, собранное.

— Это ваша? — спросила она, кивнув на карету.

— Наша, — сказал я.

— Богато живёте, — проговорила травница задумчиво.

— Обычно, — буркнул Рогнар.

Она подошла к дверце, заглянула внутрь. Потом обернулась ко мне.

— А где я сяду?

— Со мной, — я распахнул дверцу и протянул руку. — Прошу.

Она посмотрела на мою руку. Потом на меня. Потом на Рогнара.

— А он?

— А он сядет напротив. Будет на вас смотреть и портить нам с вами настроение, — я подмигнул.

— Не сяду я с вами рядом, милорд, — отрезала она.

— Почему?

— Потому что! — буркнула девушка. — Вы слишком близко будете.

— А я не кусаюсь, — улыбнулся я.

— А я не проверяю, — парировала она.

И забралась в карету сама. Без моей помощи. И села на скамью.

Ну и ладно. Рогнар сел рядом со мной. Я скосил на него глаза.

— Ты доволен? — шепнул я.

— Очень, — угрюмо ответил он. — Просто сейчас умру от восторга.

Я посмотрел на Яру — она сидела, выпрямив спину, сжимая в руках узелок с какими-то своими пожитками — обычные девчачьи мелочи, и смотрела в окно. Бледная и спокойная.

Чёрт.

Отчего мне все это не нравится?

Яра и братья-драконы

Обращение к читателям

Книга участвует в литмобе

“Академия строптивых невест”

Все книги литмоба можно прочмоба можно найти ТУТ: <https://litnet.com/shrt/qAT3>

Аж
стро
н

Глава 4. Яра

Карета оказалась внутри не такой уж и страшной.

То есть я ожидала чего-то совсем уж необычного — с золотом, бархатом, чтобы глаза резало. Ну, мне так всегда представлялось. А тут... ну, кожа сидений мягкая, в окошках стёкла, шторки шёлковые. Добротно, но без выпендрёжа.

Я села на скамью, братья напротив пристроились, положила узелок с пожитками рядом и уставилась в окно. За окном проплывали поля, перелески, изредка — деревни. Знакомые места. Я здесь каждую травинку знаю.

— Ну и чего вылупилась? — спросил голубоглазый. Дэйнар, кажется. Стоило с людного места отъехать, как свою приветливость он сразу и растерял. — Боишься?

— А с чего мне бояться? — я оторвалась от окна и повернулась к нему. — Вы меня не съедите. Деньги заплатили. Значит, я вам живая нужна.

Он усмехнулся.

— Разумно.

— А ты, красавчик, поменьше улыбайся. А то щёки заболят, — буркнула я и снова отвернулась к окну.

Перевязанная рука лежала на колене. Он её не трогал, но я заметила, как иногда пальцы сжимаются. Больно, видно.

— Ты бы руку поберёг. А то ещё загноится — без руки останешься. А мне тогда кто деньги отдавать будет?

Дэйнар хрюкнул. Рогнар поморщился.

— Не загноится, — отрезал Дэйнар, улыбка как-то быстро с него слетела.

— Ну-ну, — я пожала плечами. — Тебе виднее. Ты ж дракон, небось, всё заживает как на собаке.

— На собаке? — переспросил Дэйнар. Почему-то заинтересованно.

— Ну, быстро, — поправила я. — Моя Жуля вон два дня — и уже как новая. А вы-то, небось, ещё быстрее.

Братья переглянулись. Рогнар дёрнул уголок рта — то ли усмехнулся, то ли скривился.

— Жуля? — переспросил Дэйнар. — Это кто?

— Ну, собака моя. Дворняжка. Умная, между прочим, не то что некоторые, — и я отвернулась к окну. Разговаривать расхотелось. Вот так хочешь после торга домой попасть, мамку обнять, сестренку, а получается, что вместо этого едешь хрен знает куда. Эх.

Зеленоглазый милорд — Рогнар — все молчал. Сидел с каменным лицом, смотрел куда-то в пространство. Периодически вскидывал на меня тяжёлый взгляд.

Я вздохнула.

Час ехали молча. Я смотрела в окно, считала деревья, провожала взглядом уже незнакомые холмы и деревеньки. Внутри потихоньку нарастало странное чувство — то ли страх, то ли любопытство. Я бросаю дом. Мамку. Отца. Сестрёнок. И уезжаю неизвестно куда с двумя чёрными господами, которые одинаковые, но у которых глаза разного цвета.

Тетка Марта, крестная моя, когда я ей шепнула на ухо про работу и про деньги, только руками всплеснула.

— С ума сошла, дочка!

— На приданое сестренкам будет, — шепнула я. — Мы таких денег в жизни не видели.

— А если они тебя обманут? А если ты не вернёшься?

— Вернусь, — сказала я твёрдо. — Куда они денутся. Им я живая нужна, я ж теперь товар. Товар берегут.

И тетка Марта перекрестила меня, всхлипнула и сунула в узелок краюху хлеба и пару яиц вкрутую.

— Чтоб с голоду не померла, — сказала. И еще раз перекрестила. И сказала, сама ввечеру к мамке зайдет да все передаст.

— Скоро город, — сказал вдруг Рогнар. — Там заночуем.

— А какой город? — спросила я.

— Хартвуд. Ничего особенного, — ответил Дэйнар. — Но для тебя, наверное, будет... интересно.

— Это почему? — подозрительно спросила я.

— Потому что ты там не была. Но настоящая леди должна все же где-то побывать. Так хоть на Харвуд посмотришь. А мы тебя еще научим, как себя вести, чтобы никто не догадался, кто ты на самом деле.

Я нахмурилась.

— Это как?

— А вот так, — вмешался второй, Рогнар, и посмотрел на меня в упор. — Сейчас ты сидишь как... как торговка на ярмарке. Спина, конечно, прямая, но локти на коленях. Аристократки так не сидят.

— А как они сидят?

— Головку подними. И локти не расставляй

Я выпрямилась, убрала локти, перестала расставлять:

— Так?

— Лучше, — кивнул он. — Но не опускай подбородок.

Я подняла голову.

— А так?

— Ещё выше.

— Я тебе сейчас выше, — буркнула я, но подбородок подняла.

Дэйнар смотрел на нас и улыбался.

— Брат, ты её замучаешь.

— Не успею, у нас всего неделя пути, — ответил Рогнар. — А мисс Яра должна научиться всему.

— Всему? — переспросила я с недоверием. Что-то мне перестало это нравиться.

— Всему, что нужно знать леди. Как сидеть, как есть, как говорить, как кланяться. Чтобы никто не усомнился.

Я хотела сказать, что это невозможно. Но посмотрела в его зелёные глаза — серьёзные, усталые, какие-то странно-напряженные — и промолчала.

Попробовать-то можно. А там видно будет. В конце-концов, деньги-то я взяла!

Глава 5. Яра

К вечеру мы въехали в Хартвуд.

И гостиница — самая что ни на есть центральная и роскошная — оказалась не чета постоялому двору в нашем Шепчущем Броде. И слуги у них прям вышколенные. Может, им что и показалось странным, но ни один и взглядом это не выдал.

Гостиница оказалась огромной: два этажа, каменные стены, тяжёлые дубовые двери, а внутри — такие ковры, что нога тонет. Я таких ковров отродясь не видела.

— Это убогая провинциальная гостиница? — благоговейным шепотом спросила я у Дэйна, когда мы зашли внутрь.

— Ну да, — он огляделся. — Отец в таких, правда, не останавливается. Но для нас сойдёт, — и дракон вздохнул.

Я посмотрела на лепнину на потолке, на хрустальные подвески на люстре, на тучного хозяина в жилете с золотыми часами.

— С ума сойти, — сказала я тихо.

— Привыкай, — бросил милорд Рогнар мне. И обратился к хозяину: — Комнаты готовы?

— Для вас, милорды, самые лучшие покои, — засуетился хозяин. — Для леди тоже подготовлена отдельная комната. Вашим приказанием.

— Вот и славно, — кивнул зеленоглазый и протянул мне ключ. — Отдыхай. Через час ужинаем.

— Ужинаем?

— Ужинаем, — терпеливо повторил он, — едим, принимаем пищу. Слово выучи, пригодится.

Тоже мне, ехидничать он вздумал. Нет уж, я может и простая крестьянская девушка, но и у меня достоинство свое есть какое-никакое! А потому я свысока глянула на этого зануду, голову подняла и подбородок и улыбнулась. И прошествовала к себе.

Голубоглазый фыркнул у меня за спиной:

— Понял, братик? Идем.

— Полчаса, мисс Яра, — в спину мне сказал зеленоглазый уже не так презрительно. А я не оглянулась даже.

Комната моя оказалась на втором этаже, с огромной кроватью под балдахином, с пуховыми подушками и самым настоящим бельём, которое пахло лавандой.

Я села на кровать. Пружины радостно скрипнули.

— Господи, — сказала я в потолок. — Что ж я делаю-то?

Никто мне, ясное дело, не ответил. Я посидела немного, попривыкала, слезы вытерла — вот ведь, льются опять, — потом встала, умылась из кувшина, причесалась, косу переплела. Платье своё отряхнула — другое-то всё равно не дали, надо будет поаккуратнее повесить, чтоб не помялось. Полчаса это сколько, интересно?

Пока я раздумывала, в дверь постучали — слуга позвал вниз. Вот и славно.

Вошла в общий зал, огляделась. Одинаковые драконы уже сидели за столом.

Дэйнар — с бокалом вина, расслабленный, улыбчивый, доволен, похоже, и рука уж не беспокоит, вон как глаза блестят. А милорд Рогнар — с прямой спиной, с каменным лицом, угрюмый — не улыбнется.

— Садись, — сказал зеленоглазый милорд, указав на стул напротив.

Я села. Спина прямая, локти не расставляю, подбородок выше — чего уж там. Ничего сложного.

— Молодец, — похвалил милорд Рогнар. — А теперь — салфетка.

— Чего?

— Салфетка. Кладут на колени. Вот так.

Он показал. Я повторила.

— Хорошо. Теперь — приборы. Слева вилка, справа нож. Держим так.

— Чего вы, милорд? Знаю я про нож и вилку.

Я взяла в руку нож, а он выскользнул из пальцев и с грохотом упал на пол.

Дэйнар хрюкнул. Я покраснела.

— Ничего страшного, — сказал Рогнар и позвал слугу: — Замените приборы. А вы, леди, продолжайте.

Я взяла новый прибор. Пальцы дрожали.

— Не бойся, — прокомментировал Дэйнар. — Он не кусается.

— А ты, оказывается, шутить умеешь, — буркнула я. Но и правда дрожать перестала.

— Иногда, — ответил голубоглазый и подмигнул. — Очень редко.

Принесли ужин. Что-то прям много блюд — и суп, и булку, и жареное мясо с овощами. Я смотрела на тарелки и не знала, с чего начать.

— Начнем с супа, — заявил милорд Рогнар. — Ложку держим вот так. Зачерпываем по чуть-чуть. Не дуем. И едим без звуков.

Я и ела. Есть хотелось — аж живот подводило. Хотелось-то выпить весь бульон да мясом закусить, но пришлось послушаться и кушать по чуть-чуть и медленно. И еще тихо. Аккуратно. А зеленоглазый милорд взглядом каждую ложку провожал внимательно и прям каждое движение комментировал. А голубоглазый вообще не ел, только смотрел молча, пил вино и улыбался.

— И чего ржёшь? — спросила я, не выдержав.

— Смотрю на вас, — ответил он. — Вы как на представлении.

— А вы бы помогли, а не зубы скалили.

— Я помогаю. Только по-другому. Я создаю вам с братом лёгкую атмосферу.

— Ага, — буркнула я. — Лёгкую. Как корова легкую.

Зеленоглазый вздохнул. Голубоглазый засмеялся.

— Не обращайтесь на него внимания, мисс, — сказал милорд Рогнар и перестал на меня осуждающе пялиться. — Он всегда такой.

— А вы, милорд Рогнар? — спросила я. — Вы вот всегда такой суровый?

Он помолчал.

— Да, — сказал он. — Всегда. Вам, мисс, придется смириться с этим.

Я посмотрела на него. В его зелёные глаза, на его сжатые губы, на руки, которые он положил на стол.

— А мне кажется, — сказала я тихо, — вы просто боитесь.

— Чего? — спросил Дэйнар.

— Не вы, — я кивнула на зеленоглазого Рогнара. — Он.

Милорд Рогнар долго и сильно недовольно посмотрел на меня. Потом сказал:

— Ешьте, Яра. Остынет.

Я не стала спорить. Взяла ложку и продолжила. На этот раз дело пошло получше, зеленоглазый уже с некоторым одобрением на меня пялился и вроде как не цеплялся, разве что пару раз.

И про себя я еще отметила — зелёный боится. Чего — пока не знаю. Но боится.

А голубой... голубой просто играет. Ему всё равно. Пока всё равно.

Ну ж теперь посмотрим, что будет дальше.

Дорогие читатели! Книга - участник литмоба "Академия строптивых невест". Хочу представить вам одну из историй нашего литмоба: Диана Барокко "Драконья невеста. Факультет непокорных" <https://litnet.com/shrt/6BoG>

Глава 6. Дэйнар

Утром меня разбудил Рогнар. Стук в дверь такой громкий, что я подскочил и чуть не свалился с кровати.

— Вставай! — голос как у старшины на плацу. — Завтрак и идём к портнихе. Времени нет, Дэй, поторопись.

Ну, я и поторопился. И когда спустился к завтраку, получил свою порцию осуждающих взглядов от старшего, застегнутого на все пуговицы, братца.

Наше белобрысое приобретение тоже украдкой на меня поглядывала, только уже с любопытством.

Я довольно ухмылялся. Но старался сильно свое удовольствие не показывать — Рог с утра был явно не в духе. Может, опять сны?

— Итак. Куда мы сейчас? — спросил я, отодвигая быстро опустевшую тарелку — я с утра всегда бывал дико голоден, а пока мы не на приеме, можно дать себе немного воли.

— К портнихе, — повторил брат терпеливо. — Платья шить. Не в ее же тряпке ей ходить.

— Чегой-то тряпка? — тут же обиделась Яра.

Рог строго глянул на нее, и девчонка тут же уткнулась в свою тарелку. И как братец сего добивается? Наша самозванка, которой палец в рот не клади — откусит, мало того, что выглядела вполне прилично, так еще и повела себя как леди: мужчина сказал — улыбнулась, промолчала. Талант у брата! А он еще сопротивлялся, когда его рекомендовали преподавателем в новую Академию.

За завтраком Яра уже не роняла ножи. Салфетку на колени положила сама. Чаем не хлюпала. Рогнар только раз сказал: «Спина прямее» — и всё.

Я доел свой омлет, откинулся на стул и уставился на неё.

— Ты быстро учишься, — сказал я. Надо похвалить, старается же! И Рогу намекнуть, что нечего так злобно сверлить девушку взглядом. Понятно, утро, настроение на нуле, но все же!

— Жить захочешь — не так раскорячишься, — ответила вдруг Яра.

Я замер.

— Что?

— Не так выучишься, — поправилась она.

Рогнар вздохнул. Я засмеялся.

— Ну-ну.

— А ты помалкивай, красавчик, — парировала она. — Ты вон вообще дракон — и ничего, не жалуяюсь пока что.

Рогнар поперхнулся чаем. Я решил не спорить. С этой девчонкой спорить — себе дороже.

Дамский магазин располагался неподалеку, и Рогнар уступил просьбе Яры прогуляться. На карете, конечно, было бы куда эффектнее. Но уж ладно.

Магазин оказался не так, чтобы большой. Но с хорошим ассортиментом, да и хозяйка производила впечатление дамы понимающей и точно знающей. Мы сдали нашу добычу с рук на руки снять мерки и отправились выбирать ткани.

— Милорды, если вы выбираете для леди, то посмотрите вот на эти образцы. Последние поступления. Для платья посоветовала бы вам этот, — она указала на кусочек нежно-розового цвета. Но тут же заметила, как скривился Рогнар и замешкалась. И пока братец все дело не испортил, отправил его кружево смотреть, а сам остался с хозяйкой:

— Для леди, — кивнул я. — Только ее сундук с платьями затерялся в дороге, — на этих словах хозяйка понимающе кивнула, — а гардероб миледи нужен. Полный. И по максимуму, не экономьте. Когда же еще покрасоваться, как не сейчас, пока она на выданье...

— Понимаю, милорд, — улыбнулась хозяйка. Она была довольна, явно представляя, сколько сдерет с нас за срочный пошив. Ох, братец... вот же мы влипли!

Яра вышла из комнатки, где ее обмеряли, не слишком довольная. Ладно, сейчас поправим ей настроение. Ни одна девчонка еще перед тканями устоять не смогла.

— Миледи, прошу сюда, — пригласила хозяйка. — Все вам подберем. Посмотрите, милорд уже отобрал часть тканей.

— Мне бы платье, — сказала Яра. — Чтоб красиво и удобно.

— А цвет вы какой любите? — поинтересовалась женщина.

Яра задумалась. Серьёзно так задумалась — будто от этого зависела её жизнь.

— Зелёный, — сказала она наконец. — Как трава в мае. И синий — как небо вечером. И ещё... — она посмотрела на портниху. — А можно розовый? Только чтоб бледный, как заря.

— Модный цвет, — кивнула портниха. — И я посоветовала бы палевый. Вам пойдет.

— И ещё, — добавила Яра. — Чтоб юбки не слишком пышные можно? Я в таких как в мешке. И карманы чтоб были. Обязательно.

Портниха подняла брови. Я едва не поперхнулся. Обалдеть, эта девчонка деревенская еще и фасоны может обсуждать? Ей-то откуда знать?

— Карманы? — переспросила портниха. — В бальных платьях?

— А куда я платок дену? — спросила Яра с таким видом, будто портниха сморозила глупость. — Или монетку? Не за пазуху же.

Я хмыкнул. Хорошо, что Рог на другом конце с портнихой кружева обсуждают, и он ничего не слышит.

— Карманы, — повторила портниха. — Хорошо. Необычно, но сделаем.

Яра отобрала три рулона. Всего-то. Надо сказать, цвет она чувствовала, вкус у нее был.

Яра провела рукой по синему шёлку. Ей явно понравилась ткань.

— Хороший, — сказала она. — Но дорогой наверное?

— Не смотрите на цену, миледи. Вам нравится? Мы берем, — сказал я небрежно.

Яра покраснела и смутилась.

— Незачем деньги на ветер бросать. Вот этот, — она ткнула в зелёный, — попроще, а тоже красивый. И этот, серый, на каждый день. И хватит.

— Миледи, если позволите, то еще розовый, только вот этот, — я указал на красивый рулон насыщенного темно-розового цвета.

Портниха кивнула и сделала пометку.

— И пожалуйста, еще чтобы было: бархатное платье, — я пощупал пару нужных тканей и решил не экономить. — Обе расцветки. И верхняя одежда в тон.

— Разумно, — сказала она. — Мы сошьем, милорд. Желаете оторочку мехом?

Признаю, возможно, я слишком высокомерно взглянул на любезную хозяйку:

— Мы уже это обсуждали. Разумеется. Для миледи все должно быть лучшим.

— Понимаю, милорд. Все сделаем. Послезавтра приходите на примерку.

— А окончательно когда все будет готово? — уточнил я.

— Через неделю, — после некоторого раздумья обозначила сроки хозяйка.

Рогнар подошел к нам, и я заметил, как его зелёные глаза прищурились.

— Через три дня. А на примерку миледи приедет завтра, — безапелляционно заявил он тоном, в котором явно отсутствовало желание услышать обычное “войти в положение” и “заказ так велик”. Хозяйка хотела было возразить, но благоразумно промолчала.

Я решил немного разрядить обстановку:

— Миледи, взгляните, какие розы! — я поднял широкую ленту с вышитыми цветами.

Яра послушно посмотрела.

— Хорошие, — сказала она. — Но розы уже были. А есть васильки?

— Васильки? — переспросила хозяйка.

— Мои любимые, — потупилась Яра и покраснела.

Наша любезная хозяйка кивнула.

— Сделаем, — сказала она. — Вы так необычны, миледи.

— Обычная я, — ответила Яра. — Просто знаю, чего хочу.

— Это ты точно знаешь, чего хочешь, точно-точно — сказал я, когда мы вышли из магазина. — Карманы, васильки, экономия на шёлке. Может, нам ещё и скидку у хозяйки попросить надо было?

И чего я на девчонку взъелся? Не выспался, что ли?

— А ты, красавчик, — Яра повернулась ко мне, — лучше бы деньги-то считал. Считать-то не зазорно, зазорно не иметь. А ты только деньги тратить и умеешь. Видать, не зарабатывал.

Я открыл рот, но не нашёлся, что ответить.

Рогнар хмыкнул и еле-еле сдерживался. Но я-то видел — плечи его тряслись. И не факт, что он над Яркой смеялся. И легонько пихнул его в плечо.

Рог не выдержал и расхохотался в голос.

Заткнула меня крестьянка. Снова. Но ради того, чтобы брат улыбнулся я готов был и потерпеть. Я шагнул рядом с ней и думал: эта девчонка с карманами и васильками либо нас спасёт, либо вгонит в гроб.

Скорее всего — второе.

Но почему-то мне это нравилось.

Глава 7. Яра

На следующий я уже могла примерить несколько платьев, накидку и плащ. Красиво, оторвать глаз нельзя.

Милорд Рогнар меня сопровождал, а второй, голубоглазый, в гостинице остался.

Так вот. Зеленоглазый этот дракон так придирчиво все осматривал, что мне аж неловко стало. Портнихи, видать, всю ночь с моими платьями возились, столько пошито было! А он каждый фасон осмотрел, каждую рюшечку, каждый шовчик. Оно, конечно, может и правильно, все ж-таки гардероб для графской дочки. Но хоть немного уважения-то!

Я вроде как подумала сначала улыбнуться служанкам, что помогали мне переодеваться, а потом что-то и передумала. Милорд Рогнар в правилах этих явно получше моего разбирается.

Но все равно, когда хозяйка спросила, нравится ли мне, я правду ей брякнула: мол, нравится, аж дух захватывает! Милорд Рогнар тут же глаза закатил, типа, недоволен мной. Ну и хрен с ним! Красиво ж! Я и правда как куколка в этих платьях была.

После портнихи я думала, что мы сразу в гостиницу — и отдыхать. Ну, или там обедать. А этот зеленоглазый, милорд Рогнар, взял и повёл меня по городу.

— Нам нужно, чтобы вы хотя бы немного ориентировались в архитектуре и хоть немного — в истории, — сказал он. — Мало ли что спросят.

— Кто спросит?

— Другие леди. Преподаватели. Вы теперь не травница на ярмарке, мисс Яра. Вы леди Иллариар Вертон. А леди должна много знать, чтобы поддержать разговор, и не путать собор с ратушей.

— А я и не путаю, — буркнула я. — Собор — он высокий и с крестом. А ратуша — низкая и с флагом.

Милорд Рогнар посмотрел на меня так, будто я сказала что-то глупой. Или же умное. С ним вообще никогда не поймёшь — доволен он или как: вечно серьезный.

— Идёмте, мисс, — сказал он. И потащил меня за руку за собой.

Центральная площадь Хартвуда оказалась огромной. Всё из серого камня, посередине — памятник какому-то дядьке на коне. Вокруг — дома с колоннами, с высокими окнами, с черепичными крышами. И все разноцветные. Площадь опоясывали и по сторонам разбегались. Красиво вообще-то.

— Это ратуша, — сказал Рогнар, показывая на здание с часами. — Построена в 1473 году. Архитектор — мастер Лоренцо из Вероны.

— Вероны? — переспросила я. — Это где же такое?

— В Италии.

— А Италия — это далеко?

— Очень далеко. За горами и за морем. Страна такая. Там даже есть город на воде. Венеция.

— Это как это — на воде? А ходить там как?

— Никак, мисс Яра. Там плавают на красивых лодках — гондолах.

— Гондолах, — повторила я понравившееся слово.

— В гостинице покажу вам в альбоме, посмотрите, — пообещал милорд Рогнар и вроде как даже смягчился.

— И вы там были? В Венеции этой?

— Правильно спросить: “Доводилось ли вам бывать в Венеции, милорд?”

— Доводилось ли вам бывать в Венеции, милорд? — покорно повторила я.

— Мягче, мисс Яра, и тише. И более заинтересованно.

Мы еще раз пять повторили эту фразу, пока этот зеленоглазый дракон не соизволил ответить:

— Был, мисс. И был крайне впечатлен местными обычаями и порядками. И запахом.

— И чего, прям драконом долетели? — изумилась я, проигнорировав про запах и обычаи: пусть живут как хотят, ну их.

Он вздохнул и подтвердил: .

— Да. Прям драконом.

— И долго?

— Три дня.

Ой, хорошо, он цепляться не стал, делать вид, что не понял!

Я представила: лететь три дня над горами и морем. Страшно, наверное. Но я не спросила. Не хотела показаться совсем уж деревенщиной.

— А это, — он повёл меня дальше, — собор Святой Анны. Построен в 1501 году. Внутри — витражи работы мастера Хендрика ван дер Меера.

— Винтражи — это такие стёкла цветные, да?

— Витражи, — поправил он. — Да. Изображения святых, собранные из разноцветных кусочков стекол. Свет проходит сквозь них и становится цветным.

— Красиво, наверное, — сказала я. — А можно посмотреть?

— Очень красиво. Всю красоту, правда, можно оценить на рассвете, но и сейчас очень впечатляюще. Прощу, — и он открыл передо мной дверь в церковь.

Потом пошли дальше. Милорд Рогнар рассказывал чуть не про каждый дом, каждую улицу. Когда построили, кто строил, кто жил. Я слушала вполуха, но некоторые вещи запомнила. Например, что на этой самой площади каждую субботу казнили преступников. И что в том доме с красной дверью жил известный поэт, который написал всемирно известную поэму про дракона и деву.

— А девушку ту спасли? — спросила я.

— Какую девушку?

— Ну, из поэмы.

— Девушка умерла, — сказал Рогнар сухо. — Дракон тоже.

— Весёлая поэма, — буркнула я.

— Очень, — ехидно заметил дракон. — Это трагедия, мисс Яра.

— А я и не спорю.

Мы замолчали. Я смотрела на серые камни, на черепичные крыши, на флаг над ратушей. И думала: вот живут же люди в каменных домах, с колоннами, с витражами. Им, наверное, даже в голову не приходит, что кто-то живёт в деревянной избе с земляным полом.

— А вы, милорд, — спросила я, — вы вот в каком доме живёте?

— В замке, — коротко ответил этот ящер.

— В замке? Настоящем? Со рвом и подъёмным мостом?

— Ров есть. Подъёмного моста нет. Раньше был, сейчас вроде как ни к чему, его заменили на каменный мост в римском стиле. Чтобы гармонировал со старинным замком.

— А привидения?

Он посмотрел на меня удивленно:

— Привидения?

— Ну, в замках же водятся. Говорят.

— И вы верите в привидения, мисс Яра?

— Не знаю, — честно сказала я. — Не встречала. А вы?

— Я встречал драконов. Привидений — нет.

— Так вы и есть дракон, — напомнила я. — Сами себе привидение.

Он не ответил. Но, кажется, хотел улыбнуться. Не улыбнулся, но хотел.

Представляю вашему вниманию новую книгу литмоба: DIVA <https://litnet.com/shrt/97D->

Глава 8. Яра

И если вы думаете, что мои путешествия по городу закончились, то вот вам и нет. Мы пошли в галерею.

Мне вот меньше всего по галереям этим хотелось расхаживать, да только зеленоглазого милорда это не остановит.

Галерея оказалась длинной-предлинной комнатой с высокими окнами. На стенах — картины. Много картин. Тёмные, светлые, большие, маленькие. На одних — люди, на других — горы, на третьих — вообще непонятно что.

Мы начали с начала — с правой стороны. Остановились у первой картины.

— Это портрет герцога Херефордского, — сказал Рогнар, останавливаясь у портрета дядьки с усами, в камзоле, с орденом на груди. Сердитый.

— Похож... — протянула я, поглядывая на моего ящерного ментора.

— На кого?

— На вас.

— Это мой отец.

Я присмотрелась. И правда — те же чёрные волосы, тот же разрез глаз, и лицом схожи. Только взгляд злее, да постарше этот господин, который на портрете.

— Он всегда такой суровый? — спросила я.

— Всегда.

— А вы на него похожи, милорд, — хихикнула я.

Рогнар промолчал. И я решила не лезть дальше, не продолжать. Показалось, что ему неприятно. Хотя может и показалось. С этим милордом Рогнаром и не поймешь.

Дальше еще была одна картина, про нее дракон сказал “пейзаж”. Людей на картине не было, драконов тоже. Только горы, озеро, деревья. Красиво, но скучно.

— А это что? — спросила я, показывая на картину, где был изображён дракон, пожирающий рыцаря.

— «Гнев Дракона», — прочитал Рогнар. — Художник неизвестен.

— Жуть, — сказала я. — А зачем такое рисовать?

— Чтобы напоминать о силе драконов.

— И часто вам напоминают?

— Каждый день, мисс Яра, — угрюмо сообщил Рогнар. — И мне крайне не хотелось бы это комментировать. Идёмте дальше.

Следующая картина была светлой и большой. Там девушка в белом платье сидела на лугу, в руках — цветы. Вокруг — бабочки, небо голубое, облака пушистые.

— Вот эта нравится, — сказала я.

— Почему? — дракона почему-то заинтересовало тоже, но не картина, а моя реакция.

— Потому что красиво. И не страшно.

— Это «Весеннее утро» кисти мастера Вильгельма из Кёльна.

— Кёльн — это где?

— В Германии.

— А Германия — это далеко?

— За морем.

— Всё-то у вас за морем, — вздохнула я. — А я вот нигде не была. Только в своей деревне. И теперь тут.

— Да, теперь вы и здесь побывали, — ответил милорд Рогнар. — И скоро мы еще несколько городов проедем, более крупных прежде, чем вы, мисс, окажетесь в Академии.

— Это не считается, — отмахнулась я. — Я там не по своей воле.

— А по чьей?

— По вашей.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вы не правы, мисс Яра. Это была не моя идея. Идея моего брата. Но я её поддержал.

— И теперь я должна вам кланяться?

— Нет. Вы должны делать то, о чём мы договорились.

— А если я не смогу?

Он остановился. Повернулся ко мне. Зелёные глаза смотрели на меня как-то серьёзно, но совсем не злобно, не как те драконы с картин.

— Сможете, — сказал он. — Вы умнее, чем кажется. И чем хотите казаться.

Вот уж комплимент сказал! Вроде и приятно, а вроде и настораживает.

— С чего вы это взяли-то? — все-таки поинтересовалась я.

— Я наблюдаю, — загадочно ответил зеленоглазый.

Я хотела ответить что-то дерзкое, но не стала. Он говорил серьёзно. И я вдруг поверила.

Мы пошли дальше, продолжая рассматривать картины.

В конце нашего путешествия по галерее я увидела необычную картину. На ней девушка в тёмном платье стояла у окна. За окном — море. А она смотрела вдаль, и лицо у неё было такое... грустное. Будто она ждала кого-то, кто не вернётся.

— А это что за картина? — шепотом спросила я милорда.

— «Ожидание», — прочитал Рогнар. — Художник...

— Мне всё равно, кто рисовал, — перебила я, хватая его за руку. — Почему она грустная?

— Потому что ждала.

— Чего?

— Кого. Своего жениха. Он ушёл на войну и не вернулся.

— И она так и ждала всю жизнь?

— Да, история, послужившая основой сюжета для картины именно такова.

— Глупо, — сказала я. — Надо было не ждать, а жить дальше. Вышла бы за другого. Нарожала бы детей.

— Вы так считаете?

— А вы нет?

Он не ответил.

А потом наконец все картины закончились, и мы наконец вышли из галереи. Солнце уже клонилось к закату. Улицы Хартвуда стали золотыми.

— Вы устали? — спросил Рогнар.

— Немного, — призналась я. — И есть хочется.

— Тогда вернёмся в гостиницу. Завтра продолжим.

Мы пошли обратно. Я смотрела по сторонам, запоминала улицы, дома, вывески. Вдруг пригодится.

— Милорд Рогнар, — спросила я, — а вы всегда такой серьёзный?

— Всегда.

— А улыбаться умеете?

— Умею.

— А покажете?

Он посмотрел на меня.

— Не сейчас.

— А когда?

— Когда-нибудь.

— Ладно, — вздохнула я. — Я подожду. Я терпеливая, милорд Рогнар.

Он ничего не сказал. Но мне показалось, что его губы дрогнули.

Или нет.

Глава 9. Яра

Утром я проснулась рано. Солнце только-только заглянуло в окно, и лучи его запутались в кружевах на шторе. За окном — ни души. Город ещё спал.

А я не спала. Всё думала.

Вот ведь забросила меня жизнь, ничего не скажешь. Спать можно долго да еда не чета нашей деревенской. Вон мамка как каши наварит полный чугунок, вот и едим. А тут! На завтрак одно, к обеду — пожалте, три блюда других, да никакой каши, на ужин — еще блюдо другое. Да еще чай — не мои травки, а настоящий чай! Ой как мне он по началу не понравился! А сейчас ничего, притерпелась. Но травок моих было б туда добавить неплохо.

Полежала я, понежилась, но встала вскоре. Не могу я так. Встала, умылась — и чтоб умыться мне ни на колодец не надо было, ни ведра тяжелые таскать! Вот она, и водица в кувшине, и таз — только умывайся.

Ну а там, пока я себя в порядок приводила да обмывалась, в дверь постучались, и слуга из коридора сообщил, что милорды драконы жду меня внизу к завтраку через полчаса.

Ждут так ждут, я что, я ж не гордая! Закончила туалет да и спустилась.

— Милорд Рогнар, — сказала я за завтраком, отодвигая от себя пустую тарелку. — А можно мне в церковь сходить?

Он поднял брови. Эту примету я уж выучила — это когда он удивлялся, то всегда так делал. И чем выше, тем больше удивление.

— В церковь? — переспросил он. — Зачем, мисс Яра?

— Ну, — я замаялась. — У нас в деревне церковь маленькая. А тут вон какой собор. И орган, наверное, есть. Я никогда не слышала, как орган звучит, а страсть как хочется. Можно?

Он так на меня посмотрел. Я думала — откажет. Скажет, что некогда, что надо ехать, что платья готовы и пора денежки-то заплаченные отрабатывать!

— Хорошо, — говорит он вдруг. — Месса начинается через час. Успеем.

— Правда? — я аж подпрыгнула на стуле. — Вот спасибо, милорд!

— Но, — он поднял палец, — я с вами, мисс. Одной леди появляться в городе неприлично. Тем более в церкви.

— А как же брат ваш? — спросила я, кивнув на голубоглазого, который отрешенно жевал булку с таким видом, будто ничего не слышал.

— А милорд Дэйнар с нами не пойдет, останется в гостинице. Ему надо разобрать счета. И забрать платья. И распорядиться о вашем дорожном сундуке.

Дэйнар обиженно фыркнул, но жевать не перестал.

— К тому же, мисс Яра, он совершенно не переносит орган и вообще прекрасное. Он наглым образом засыпает и храпит. Нам будет стыдно. Поэтому оставим его здесь заниматься делами. От них он тоже спит, но тут его храп никого сильно не побеспокоит.

— Какие счета-то? — не поняла я.

— За платья, — недовольно буркнул Дэйнар. Еще бы, меня б тоже такая-то тирада взбесила. — Вы, миледи, дорого обходитесь.

Я хотела ответить было, что свои идеи надо до того, как все сделано уже, обдумывать, но передумала. Чего уж. И так вон как недоволен.

Мы вышли из гостиницы, когда колокола уже начали звонить. Я слышала их даже из своей комнаты. По улицам городка плыл почти осязаемый низкий звук, которому вторили тонкие перезвоны. Колокола гудели низко, тяжело, будто сама земля дрожала. А теперь, когда мы оказались на улице, звон стоял над городом такой, что у меня аж уши закладывало.

— Какой собор? — спросил Рогнар. — Центральный или монастырский?

— А тут два?

— Тут больше. Все же город достаточно большой. Центральный собор рядом — большой, богатый. Монастырский — скромнее, но там лучше хор.

— А орган?

— В обоих есть.

Я задумалась.

— А где меньше людей?

— В монастырском, должно быть, — задумчиво ответил милорд.

— Тогда пойдёмте туда, — попросила я.

Рогнар кивнул и повёл меня узкими улочками. Я шла рядом с ним и думала: странно, что этот суровый дракон знает, где лучше хор, где меньше людей, где есть орган. Это все его образованность, верно. Хорошо много знать!

Монастырская церковь оказалась не такой большой. Это если сравнивать с собором, который я видела вчера, — просто церковь, строгая и простая. Но внутри... внутри я забыла, как дышать!

Своды уходили куда-то вверх, в полумрак. Стены были серыми, старыми, с вытертыми фресками. Пахло ладаном и воском. И тишина — такая, что звон в ушах стоял.

Милорд Рогнар провел меня к скамье. Наверное, тут тоже есть какие-то правила? Не забыть спросить бы после мессы.

Я села на указанное место. Он — рядом.

Служба началась.

Я не поняла ни слова — всё было на латыни. Священник что-то бормотал, ему отвечали монахи. Прихожане — немного и правда — открывали по указанию священника требники и пели гимны. Я тоже рот открывала — а то неловко как-то. А еще я смотрела на витражи, на свет, который падал сквозь них цветными пятнами на каменный пол. Красный, синий, жёлтый. Как в калейдоскопе, который мне когда-то на ярмарке Томас показывал. Я потом долго хотела отложить денежку, чтоб сестренкам игрушку эту прикупить, да все не удавалось. Ну, теперь-то куплю! Пусть порадуются.

А потом заиграл орган.

Я не знала, что так бывает. У нас в деревенской церкви была гармоника, и та старая, с продыхом. А тут... тут музыка заполнила всё. Она была везде — в камнях, фресках, в витражах, в воздухе.

Я замерла.

Орган гудел низко, потом взлетал высоко-высоко, потом снова падал, и я чувствовала, как вибрирует скамья, как дрожат мои пальцы. Одна мелодия запала — началась тихая, нежная, как первый солнечный луч на рассвете у озера, и потом все крепла, все текла и как будто из воздуха, словно сама была миром... не знаю, как еще описать, невозможно это!

И только когда органист закончил играть, я заметила, что милорд зеленоглазый смотрит на меня. И чего смотрит-то? Опять я что не так сделала?

Но тут запел хор. Голоса были чистыми, прозрачными, как вода в роднике. Я закрыла глаза и слушала. И думала о доме, о мамке, о сестренках. О том, что они никогда не услышат такого. И что я, может быть, тоже никогда больше не услышу.

Слеза скатилась по щеке. Я вытерла её рукавом — некогда мне тут платочки носить, — и покосилась на Рогнара.

Он не заметил.

Или сделал вид, что не заметил.

Когда служба кончилась, мы вышли на паперть. Солнце уже поднялось высоко, и город шумел, жил, ворчал...

— Спасибо, милорд. Я... я не знала, что так бывает, — сказала я.

— Чего вы не знали, мисс?

— Ну, — я замялась. — Чтобы музыка... прямо вот так.

— Теперь знаете. Рад, что вам понравилось.

Мы постояли ещё немного. Я смотрела на шпили собора, на чаек, которые кружили над крышами, и думала о том, что мир большой. Очень большой. И что я, дура деревенская, только сейчас это поняла.

— Идёмте, — сказал Рогнар. — Время уже. Вы не голодны, мисс Яра?

И только тут я поняла, что действительно голодна.

Новая книга литмоба уже с вами! Аделаида Дрозд "Я - непоправимая невеста дракона"
<https://litnet.com/shrt/r1O7>

Глава 10. Яра

Ресторан, который выбрал милорд Рогнар, оказался все на той же центральной площади, напротив ратуши. Стекланные двери, белые скатерти, официанты во фраках — как на подбор, все высокие, и встречали с улыбками, вроде как радовались нашему приходу.

— Вы когда-нибудь обедали в ресторане, мисс Яра? — спросил Рогнар, пока мы шли за мэтром к столику.

— Откуда ж, милорд. В деревенской таверне — бывало, — тихонько ответила я. — А в таком... нет.

— Тогда смотрите на меня. И повторяйте.

Он отодвинул мне стул. Я села, стараясь не хлопнуть задом, как делала дома. Салфетку развернула и положила на колени — сама, без подсказки. Милорд Рогнар кивнул. Вроде одобрил.

Меню принесли на огромных листах, с золотым тиснением. Я открыла и уставилась на непонятные слова.

— Что это? — спросила я, прочитав заковыристое название «утиное филе с апельсиновым соусом».

— Утка с апельсинами. Вы умеете читать, мисс? Это хорошо.

— А что ж я, по вашему? — обиделась я. — Совсем темная? Я в школу ходила год целый!

— Это замечательно, мисс, — примирительно заявил этот дракон и зыркнул на меня своими зелеными глазами. И не поймешь его. — Это очень хорошо. У нас с вами сразу намного меньше проблем. Но давайте вернемся к обеду.

— А «рагу из кролика в винном соусе» — это что? — я что, я не упрямая и не вредная. Продолжила.

— Тушеный кролик. А соус к нему с красным вином. Это... вкусно.

— А «трюфель»?

— Трюфель это гриб. Редкий.

— А почему он редкий?

— Потому что мало где растет. И сорвать его нельзя. Его свиньи выкапывают.

Я подумала, что свиней я как-то больше уважаю, чем грибы, но комментировать про этот трюфель не стала.

— Закажите что-нибудь знакомое, — посоветовал Рогнар.

— А что тут знакомое? — я растерянно смотрела на лист меню. — Суп есть? Обычный?

— Есть. Томатный.

— Тогда томатный. И хлеба. И... — я замялась. — А картошка есть?

— Картофель?

— Ну да.

— Есть, тушеный с мясом и...

— Вот его можно? Это не дорого?

— Мисс Яра, леди не задает таких вопросов. Деньги не ваша проблема, — он все так же спокойно изучал меню. Выбрал и отложил листы. И только потом взглянул на меня: — А милорда Дэйна не слушайте. Он по утрам не в духе и забывает о многих вещах.

Рогнар подозвал официанта и сделал заказ. Я не поняла ни слова — он какие-то названия мудреные говорил, я рукой махнула и расслабилась.

Подали сначала суп. Я взяла ложку, зачерпнула, поднесла ко рту — и вспомнила, что дуть нельзя. И чавкать нельзя. И вообще есть надо молча, как милорд Рогнар учил.

Я ела. Медленно. Аккуратно. Старалась не стучать ложкой о тарелку.

Суп был веусный. Даже очень.

— Хорошо, — сказал милорд после того, как тарелки у нас официант забрал. — Вы быстро учитесь.

— Спасибо, — буркнула я, не поднимая глаз.

Потом принесли второе. Картошка и правда была. Но какая-то странная, мамка так и не готовила никогда, но пахло вкусно. И ещё какое-то мясо в соусе было, и зелень, и маленькие помидорки, которые лопались во рту.

Я отрезала кусочек мяса, пожевала, проглотила.

— Вкусно, — сказала я честно.

— Рад, что вам нравится, — серьезно ответил милорд дракон.

— Милорд Рогнар, — сказала я. — А почему вы решили меня сопровождать? Ну, в церковь? В галерею там, на прогулку — это я понимаю, вы ж учитель, и меня учите. А в церковь?

— Потому что вы моя... — он запнулся. — Моя подопечная.

— Подопечная, — повторила я. — Это как?

— Это значит, что я отвечаю за вас. И за вашу безопасность. Вздумай вас кто обидеть.

Я прыснула. Меня? Обидеть? Я что, цветочек на клумбе? Меня ж...

— И таковы правила, мисс. Девушке не пристало одной расхаживать. Девушки нежные и хрупкие.

Эх, кто б это моей родне-то сказал, когда зимой с топором по лесам шляешься для дров рубишь сколько унесешь. А тебя еще и за косу — мало, мол, лентяйка.

— Хорошо, милорд. Я поняла, — говорю.

Я допила чай, поставила чашку на блюдце. Аккуратно, между прочим. И тихонько.

И отвернулась к окну.

За окном шумел Хартвуд. Жил своей жизнью. А я сидела в дорогом ресторане с драконом, который боится улыбаться, и думала о том, что мир большой. И что я, дура деревенская, теперь часть этого мира.

А хорошо это или плохо — я ещё не решила.

Новая книга нашего литмоба уже ждет вас. Внимание! Строго 18+

Надежда Паршуткина и Максимиан Идеальное подчинение <https://litnet.com/shrt/jdsx>

Глава 11. Рогнар

После обеда я предложил прогуляться по парку.

Возвращаться в гостиницу не хотелось. Правда, я предпочел бы клуб или зал библиотеки. Но на мне была милая деревенская девушка, и проверять ее терпение на “выдержать все, даже библиотеку” я не рискнул.

В целом-то она неплохо справлялась. Ну, иногда только как скажет что-нибудь, так я просто в замешательстве оставался. Но это все можно списать на недостаток воспитания — все же леди Вертон сирота, а скупость ее дядюшки-опекуна хорошо известна, — и специфику деревенской жизни и деревенского же воспитания. И если Ярину правильно проинструктировать, проконтролировать и вовремя все широкие рты заткнуть правильно сказанной фразой, пожалуй что мы и не прогадали, выбрав ее.

Счастье еще, что родовитая леди оказалась у настолько жадного опекуна, что он не соизволил и раз вывезти свою подопечную на бал. А уж гардероб леди Лиссы и вовсе... Платье Ярины-травницы и то добротнее.

Странно, что отец велел именно нам везти ее в Академию. Странно, что ни слова не было сказано о том, кого из нас он предпочтет увидеть зятем скряги герцога Вертона... Или подразумевалось что-то другое?

Вопросов у меня за эти дни только прибавилось. И это тоже было вполне веской причиной не возвращаться сразу в гостиницу. Иначе Дэй тут же найдет способ сбросить на меня и счета, и платья, и сборы... нет уж!

— В парк? — переспросила Яра, надевая перчатки.

Молодец, без напоминаний. Перчатки — тонкие, кружевные, мы подобрали в магазине при заказе гардероба, прикупили и еще некоторые мелочи, которые девиц радуют. Яра в большой восторг не пришла, но пользоваться училась. И вот результат: третий день пошел, а уже как естественно.

Итак, перчатки девица натянула и вполне изящно. И спросила:

— А что там?

— Деревья, — сказал я. — Дорожки. Скамейки. Скульптуры.

— Скукота, — буркнула она. — Пойдемте в парк, что уж.

Парк располагался за собором, на холме. Оттуда открывался вид на весь Хартвуд — черепичные крыши, шпили, реку, которая блестела на солнце, как ртуть. Я любил это место. Здесь было тихо. Здесь удобно было думать.

Отвел ее прежде всего на холм. Сам конечно тоже хотел полюбоваться, но почему-то казалось, что Ярине это место тоже придется по душе.

— Красиво, — мечтательно протянула Яра, глядя вниз. — А у нас в деревне тоже есть холм. Только с него видно поля. И лес.

— И где лучше?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Там — дом. Здесь — все новое.

Я не понял, что она имела в виду. А переспрашивать и уточнять не стал.

Мы пошли по аллее. Листья шуршали под ногами. Яра вертела головой, разглядывала статуи, клумбы, фонтан, который не работал отчего-то.

— Милорд Рогнар, — спросила она, — а вы часто здесь гуляете?

— Редко. Я не так часто в этом городке бываю, и все чаще проездом. Времени не хватает сюда дойти. И потом, мисс Яра, просто дойти и обратно — какой смысл... Хорошо, когда есть возможность здесь побыть.

Мы сели на скамейку под старым дубом. Яра смотрела на город. Я — на неё.

— Вы хотели меня о чём-то спросить? — сказал я. — Я вижу.

Она повернулась ко мне.

— Да, — сказала она. — Почему девушки за драконов замуж не хотят? Вот вы, милорд. Вы вроде суровый, строгий. Ну так это только на первый взгляд. Так-то вы маску надели и счастливы. Так и среди людей... да полно таких.

Я не ожидал. Хотя, наверное, должен был.

— С чего вы взяли, что не хотят?

— А вы видели, как они шарахаются? — она усмехнулась. — На ярмарке, когда вы появились, все побледнели. А одна баба так и вовсе ребёнка спрятала.

— Люди боятся того, чего не знают.

— Они знают, — возразила Яра. — Они знают, что вы из них силы вытягиваете. Что вы жен своих выгоняете, как родят. Что вы...

— Не все, — перебил я. — Не все драконы такие.

— А многие?

Я вздохнул. Объяснять? А есть смысл? Случаи единичные, да и счастливые браки тоже есть, хоть наши с Дэйнаром родители — чем не пример?

— Вот то-то, — сказала Яра, по-своему поняв мое молчание.

— Понимаете, мисс... случаи, когда магия дракона губительна для девушки — таких единицы. Но два-три проблемных брака, несколько случаев быстрого старения... и этот указ о принудительных браках... Согласитесь, популярности это не добавляет. Но почему-то никто не упоминает, что девушка и с мужем-человеком может быть несчастна... А у нас безвыходное положение, мисс Яра: продолжить род мы можем только с человеческой девушкой.

Яра помолчала, потом спросила:

— А Лисса? Та девушка, которая прыгнула? Она тоже боялась?

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Да, — сказал я. — Она боялась.

— Чего?

— Всего. Нас. Замужества. Жизни.

— И вы не смогли её убедить?

— Не смог.

Я посмотрел на свои руки. Они лежали на коленях — спокойные, неподвижные. Хорошо. Хорошо, что упоминание о Элиссе уже не вызывает такой тремор.

— Это не ваша вина, — сказала Яра вдруг.

— Что вы можете знать, Ярина, о вине и невиновности? — холодно ответил я. Я бы еще добавил, что не ее это дело, решать, кто и в чем виноват. И не смог.

— Не знаю, ничего, наверное. Но не ваша вина. Вы, милорд, не из таких..

Я поднял голову. Она смотрела на меня своими серыми глазами — и мне вдруг показалось, что она в самую глубь меня заглядывает.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Я видела. В день, когда вы подошли ко мне, ну, на ярмарке. У вас на ладонях были царапины. И вы нервничали, но не так, как парень перед девкой робеет и не так, как от азарта, от дела потряхивает. Это точно. А вот милорд Дэйнар совсем по-другому все чувствует. И я тогда подумала, что у вас случилось что, нехорошее, за что вы себя виноватым почитаете. А потом про девушку, что с обрыва сиганула, вспомнила...

Я посмотрел на свои ладони. Царапины зажили. Но я всё ещё их помнил.

— Вы слишком наблюдательны, мисс Яра. Миледи Элисса не сиганула, как вы выражаетесь... она оступилась. Мы остановились в гостинице — она пожаловалась на недомогание... но это оказался только предлог. Элисса сбежала, и...

Дальше я говорить не мог. И Ярина не стала ничего говорить.

Мы помолчали. Ветер шевелил листья. Где-то внизу лаяла собака.

— А вы? — спросил я. — Вы боитесь?

— Чего?

— Замужества. Драконов. Меня.

Она усмехнулась.

— Вас — нет. Вы добрый, милорд Рогнар. Драконов — тоже, пожалуй что, не боюсь. Страшнее вещи есть. А замужества... — она задумалась. — Я замуж не хочу.

— Почему?

— Потому что, — сказала она просто. И больше ничего не добавила.

Я не понял.

Хотел переспросить. А потом передумал.

В парке было тихо. И покойно. Я прикрыл глаза и замер. Хорошо. Как же хорошо!

Новая книга нашего литмоба уже ждет вашего внимания! Алена Литвинова <https://litnet.com/shrt/6wfY>

Глава 12. Дэйнар

Знаете, что я люблю больше всего в авантюрах? То, что они никогда не заканчиваются так, как ты планируешь.

Вот и сейчас. Мы сидим в придорожной гостинице. За окнами настоящая буря бушует. До академии — еще день пути точно. А по такой дороге и все два.

Обычная дыра — не чета даже отелю в Хартвуде. Комнаты тесные, кровати скрипят, а в общем зале пахнет жареным луком и чем-то ещё, что я предпочёл бы не идентифицировать.

Но ничего. Мы почти на месте. И дорога оказалась не такой уж... скучной. Правда, едь мы в обществе настоящей леди Вертон, не уверен, что я бы так же говорил. С девчонкой этой все же хорошая идея оказалась. Нет, не просто хорошая, гениальная! Вон, даже Рог улыбаться начал, пусть пока только взглядом — но ведь насал!

Он, конечно, нервничает. Он всегда нервничает перед важными делами. Сидит в углу, смотрит в окно и делает вид, что читает книгу. Я его насквозь вижу: он прокручивает в голове все «что, если». Что, если Яру раскроют? Что, если кто-то заметит? Что, если отец узнает? Если до короля дойдет?

А я не парюсь.

Правда. Зачем?

По мне — девчонка и девчонка.

А эта еще и умная. Соображает быстро. Учится ещё быстрее. За неделю из неё можно сказать почти сделали леди. Ну, почти. А там... там как-нибудь выкрутимся.

Всегда же выкручивались.

В конце-концов мы-то никуда не денемся. Рог преподавать в Академию едет, а я за компанию. Почти.

— Дэй, — Рогнар оторвался от книги. — Ты не спишь?

— Нет, — я перестал делать вид, что сплю и вытянулся на кровати, закинув руки за голову. — Думаю.

— О чём?

— О том, как здорово, что мы не в карете. У меня уже спина затекла.

Рогнар вздохнул. Этот его вздох я знаю с детства. Это значит: «Ты неисправим».

— Ты хоть понимаешь, что будет, если её раскроют?

— Не раскроют, — отмахнулся я.

— А если?

— Рог, ну что ты как старик? Всё будет хорошо. Она — талант. Ты сам говорил.

— Я говорил, что она быстро учится. Это не одно и то же.

— Но достаточно близко, — я приподнялся на локте. — Слушай, брат. Мы уже здесь. Деньги заплатили. Девчонка в деле. Обратного пути нет. Так зачем переживать?

— Затем, что от этого зависит и наша жизнь.

— Да ну, — я махнул рукой. — Отец поворчит, но не убьёт же. А Совет... Совету главное, чтобы невесты были. А они будут. Одна — лучше другой.

Рогнар посмотрел на меня долгим взглядом. Я выдержал его. Всегда выдерживаю.

— У тебя всё слишком просто, — сказал он.

— А зачем усложнять? — я зевнул. — Жизнь и так сложная штука.

Рогнар покачал головой, но ничего не сказал.

Я знаю, о чём он думает. О том, что я легкомысленный. Что мне всё сходит с рук. Что я не понимаю ответственности. И не хочу.

А я понимаю. Просто не вижу смысла в панике. Если что-то пойдёт не так — решим на месте. Всегда же решали.

— Спать? — спросил Рогнар, закрывая книгу.

— Ага, — я перевернулся на бок. — Завтра рано вставать.

— Зачем?

— Как зачем? — я усмехнулся. — Въедем в Академию красиво. Чтобы все ахнули.

— Они и так все ахнут, Дэй, — проворчал брат, гася лампу. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я лежал в темноте и улыбался.

Яра — это лучшее, что с нами случилось. С ней интересно. С ней весело. И она не боится.

Это главное.

А остальное... остальное как-нибудь утрясётся.

Всегда же утрясалось.

Карета мерно покачивалась. За окном тянулись поля, перелески, редкие деревни. Дорога в Академию была долгой — целая неделя, если не гнать.

Я сидел напротив Яры и делал вид, что читаю книгу.

Не читал я, конечно. Смотрел.

Она уже не ёжилась в углу, как в первый день. Сидела ровно и как-то безучастно. Какая-то напряжённая стала.

— Скучаешь? — спросил я, чтобы разрядить обстановку.

Она подняла голову.

— По чему?

— По дому. По корове своей. По травкам.

— У меня нет коровы, — буркнула девушка и снова голову опустила.

— А кто тогда Жуля?

— Собака. Я ж говорила.

— А, точно, — я кивнул. — Дворняжка. Умная, не то что некоторые.

Она посмотрела на меня. В её серых глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Ты себя имеешь в виду, милорд?

— Я? Себя?? Никогда!!! Я про брата.

Рогнар, который дремал на соседней скамье, хмыкнул.

— Не лезь, — сказал я ему.

— Я и не лезу, — ответил он, не открывая глаз. — Я просто радуюсь.

— Чему? — не понял я.

— Тому, что ты, братик, наконец на девушку смотришь как на человека, а не как на проблему.

— Она и есть проблема, — буркнул я.

— Ага, — усмехнулся Рогнар. — Проблема. Которая уже неделю учится этикету и ни разу не пожаловалась.

— Ну да, удивительно. Ты своими придирами любого в могилу сведешь. Вот она и защищается от тебя как может.

— Очень мне надо, — вмешалась в нашу пикировку Ярина.

— Слушай, Яра, — я наклонился вперед, чтобы поближе к ней. И посмотрел прямо ей в глаза. Все девчонки от этого смущались, а этой — хоть бы что! Посмотрела на меня своими глазами и отвернулась. — А ты вообще чего-нибудь боишься?

— Мышей, — сказала она.

— Мышей? Серьёзно?

— А что? — она вздёрнула подбородок. — Они маленькие, противные, пищат. И лапы у них липкие. И кусаются.

— У мышей не липкие лапы, — сказал я.

— А ты откуда знаешь, милорд? Драконы ж мышей не ловят.

— А вот и ловят, — я подмигнул. — Когда превращаемся. Иногда.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Врёшь.

— А ты проверь.

— Как?

— Ну, — я развёл руками, — подожди, пока я превращусь. И посмотри.

— Не дождусь, — она махнула рукой и отвернулась к окну.

Рогнар хмыкнул.

— Не лезь, — сказал я ему.

— Не лезу, — ответил он.

Я снова посмотрел на Яру. Она припала к окну и с любопытством рассматривала пейзаж, и еще улыбалась.

— Красивая у тебя улыбка, Ярка, — прокомментировал я.

Она обернулась.

— Ты, красавчик, лучше бы в окно посмотрел. Глядишь, чего бы и увидел.

— Я — дракон. Мне не обязательно.

Я высокомерно ухмыльнулся.

— Ну-ну, — протянула девушка, — оно и видать.

Рогнар не выдержал и рассмеялся. Я уже хотел обидеться, но не смог. Потому что Ярина смотрела на меня, и в её глазах плясали чёртики.

— Ладно, — сказал я. — Твоя взяла.

— Что ж так, милорд? Сдался-то быстро, — ответила она.

Решил дальше не связываться. Это вначале мне было всё равно. А сейчас...

И всего-то шесть дней прошло... Когда мы затеяли эту авантюру на дороге у Шепчущего Брода, я думал только об одном: доставить девушку в Академию. Живую. Желательно — невредимую. А там — будь что будет. Разоблачат? Не разоблачат? Какая разница. Главное — мы выполнили приказ отца, и указ короля. Дальше — не наша забота.

Я так думал вначале.

Но вот потом... Потом она... Нет, не так. Она была собой, с удовольствием училась, смотрела на нас с братом так доверчиво и так... искренне! Я даже, наверное, и не знал, что такая искренность еще может встречаться.

С ней было... забавно. И немножко непредсказуемо.

— У меня чего, платье не в порядке? — подозрительно спросила Яра.

— Нет, в порядке все, — честно сказал я, с удовольствием окидывая ее взглядом.

— А что тогда так пялишься...

— Мисс Яра! — строго вмешался Рог. Всю прелесть сбил, зануда.

— Почему тогда вы так внимательно на меня смотрите, милорд? — нежно поправила девушка.

Сразу стало скучно и предсказуемо. Я вздохнул.

— О тебе думал. Вот и смотрел.

— Обо мне? — она удивилась. — Это почему?

— Потому что ты странная.

— А вы страшные, — ответила она. — Но что уж поделать. Придется привыкнуть. Уже привыкаю.

— Это хорошо, — я улыбнулся. — Потому что дальше будет только страшнее.

— Это ты про Академию, милорд? — спросила она.

— И про неё тоже.

Она вздохнула и отвернулась к окну.

— Ничего, — сказала она. — Прорвёмся.

Я смотрел на её профиль, на косу, на цветы, которые она снова вплела в волосы — полевые васильки.

И думал: эта девчонка с карманами и васильками либо нас спасёт, либо вгонит в гроб.

Скорее всего — второе.

А пока Дэйнар в предвкушении, приглашаю вас в новую книгу нашего литмоба о строптивых невестах: Мариэм Санди "Отличница для драконов" <https://litnet.com/shrt/RKti>

Глава 13. Рогнар

Последняя ночь перед приездом выдалась хлопотной.

Мы остановились на постоялом дворе. Обычная придорожная гостиница — не чета той, в Хартвуде. Простые комнаты, жёсткие кровати, общий зал с камином — хотя бы с камином! Я так промерз в этой карете, что обрадовался огню, про все забыл.

Ужин, вполне приемлемый должно быть, прошел мимо меня. Я что-то жевал, что-то горячее. Но что — не вспомнил бы и под угрозой казни. И после с чашкой чая сразу поднялся в отведенную мне комнату.

Я спустился вниз, когда все уже спали.

Поздно, полутьма. Внизу почти никого не было. Кто-то из постояльцев еще сидел в одном из кресел у камина.

Я вышел на двор. Хотел убедиться, что лошади накормлены и обихожены, а карета вымыта и все блестящие ее части вроде нашего семейного герба, тщательно начищены. Все же осталось немного ехать, завтра будем на месте. Не то, что я так трепетно относился к производимому впечатлению. Но завтра это явно сыграло бы нам на руку. Да и привык я все контролировать, и к тому же я плохо спал в чужих местах.

В общем, причин для того, чтобы выйти на двор у меня нашлось достаточно. Я нервничал. Очень. Не ожидал от себя.

Бесконечно придумывать дела было невозможно. Я вернулся. В зале горел камин. У огня, в кресле, свернувшись калачиком, сидела Яра.

Она не спала. Ела тихонечко сдобную булочку — отщипывала маленькие кусочки и отправляла в рот. Смотрела в огонь. И лицо такое... Ни весёлости, ни дерзости. И я впервые подумал: неужто это все... маски?

— Не спится? — спросил я.

Она вздрогнула. Обернулась.

— А вы чего не спите, милорд?

— Привычка.

— Плохая привычка, — сказала она. — По ночам спать надо. А вы всё по коридорам ходите.

— Наблюдаю.

— За чем?

— За порядком. Вы позволите?

Она хмыкнула и отвернулась к огню.

Я сел рядом. Дрова потрескивали. Было тихо. И очень уютно.

— Расскажи о себе, — сказал я вдруг. Сам не знаю, почему спросил.

Она посмотрела на меня удивлённо.

— Зачем?

— Интересно.

— С чего это? — она прищурилась. — Вы, милорд, обычно не интересуетесь, откуда ваши... расходные материалы берутся.

Я поморщился.

— Хорошо, мысли ты уже достаточно точно формулируешь. Только вот ты не расходный материал. С чего ты взяла?

— А кто?

— Не знаю, — честно сказал я. — Девушка. Милая и искренняя. При чем здесь... расходный материал?

Она только рукой махнула. Отщипнула ещё кусочек булки и отправила в рот.

— А с кем ты жила там, у себя в деревне? — мне вдруг и правда очень интересно стало.

— Так не в деревне, милорд. На хуторе. Семья у меня, — сказала она тихо. — Мамка, батя, три сестрёнки. Младшие — двойняшки, совсем крошки. Старшая — пятнадцать, невеста уже.

— И ты их кормишь, — догадался я.

— Мы все кормим, — ответила она. — Я вот травами торгую, а зимой еще и грибами сушеными, медом. Мамка — шьёт, почитай, пол Шепчущего Брода в ее платьях. Батя — плотничает. Сестрёнки — по дому помогают, в лес бегают. Мы потом грибы и малину лесную сушим да продаем. Вы пробовали лесную малину, милорд? Душистая!

Я покачал головой — не пробовал, не доводилось.

— Так и живём.

— Небогато?

— А кто нынче богато живёт? — она усмехнулась. — Но мы не жалуемся. Крыша над головой есть. Еда — не всегда, но чаще всего тоже есть. Люди мы работающие, не ленивые. Батяка конечно закладывает, не без того, но жить можно, и не хуже других.

Она помолчала. Потом добавила:

— А теперь ещё и вы мне сто золотых заплатите. Так и вообще. Редко кому так повезет.

— И что сделаешь с деньгами?

— Сестрёнок замуж выдам, — сказала она, и вдруг так улыбнулась... тепло и очень нежно. — Приданое им соберу. Чтоб не как меня — не пришлось в самозванки идти. Чтоб нормальных мужей нашли. Добрых. Честных. И жили хорошо.

Я кивнул. Что я мог сказать? Она была права.

— А себе? — спросил я. — Себе что оставишь?

— А мне много не надо, — она пожала плечами. — Лавку открою. Травную. Я в этом толк знаю. И буду жить. Одна. Свободно.

— Замуж не хочешь?

— За кого? — она усмехнулась. — За кузнеца Томаса? Чтоб он с утра до ночи подковы гнул, а я — щи варила? Спасибо, не надо. Да и не возьмет меня никто, чего уж.

— Это... из-за того, что ты с нами поехала? — осторожно спросил я. Не знаю, зачем спросил. Язык сам повернулся. Про эти правила поведения в деревне я слышал. Сложно там было удержаться в порядочных, и взгляда неосторожного достаточно, чтоб вся деревенька ославила и по семи соседним разнесла.

Яра посмотрела на меня долгим взглядом. В её серых глазах плясали отблески огня.

— Ну что вы, милорд Рогнар, — сказала она тихо. — Вы-то тут при чем? Мамка меня без брака прижила. Батяка-то мне не родной, он мамку уж со мной взял, спасибо ему.

— А сестренки твои?

Яра важно так кивнула:

— Они да, они уж в браке.

Вот как. Я смотрел на девушку и впервые чувствовал, что... уважаю ее. Это ж надо — такая жизнь и такая сильная девушка...

— Отчим не обижает?

— Нет, милорд. Даже разрешает отцом звать. Ну, может и оттаскает когда за косу, так за дело. И мамку мной не попрекает. Нет, милорд, я хорошо жила. А теперь и того лучше заживу.

Я молчал. Мне впервые сказать было нечего.

— Так что спасибо вам, милорд Рогнар. Я вот не хочу быть игрушкой. Ни для дракона, ни для человека. Я лучше сама по себе. Своей лавкой. Своими травами. И чтоб никто мне не указ был. Чем же плохо?

Она замолчала. Я смотрел на неё — на её профиль, на косу, на руки, которые спокойно лежали на коленях.

И понял, что уважаю её.

Не жалею. Не восхищаюсь. А именно уважаю.

Она знала, чего хотела. И не боялась за это бороться.

— Ты сильная, — сказал я.

Она удивилась.

— Чего?

— Сильная, — повторил я. — Не каждая на твоём месте не сломается.

— А я не ломаюсь, — ответила она. — Я гнусь, но не ломаюсь. Мамка так учила.

Мы помолчали. Дрова прогорели почти все. Я подбросил новых. И обрадовался, когда огонь окреп. Почему-то не хотелось, чтобы это заканчивалось.

— Знаешь, — сказал я. — Я и подумать не мог, что... так тоже люди живут...

— Да что вы все так грустно-то? — поморщилась Яра. — Хорошо я жила. Многим и того не перепадает! А вы, милорд, ох как многого не знаете. Да и ни к чему оно вам. Только вот огорчаться будете, да о “несправедливости мира” размышлять возьметесь. А на деле вовсе это не “несправедливость”.

— А что? — заинтересованно посмотрел на неё.

— А то, что каждому свое. Кому под мостом жить, кому торговать, кому поле пахать. А кому в небесах летать. И свою жизнь надо жить, а чужой не желать, вот и все.

Возразить мне было нечего. Хотя я хотел. Я даже рот открыл, чтобы возразить — ну просто потому, что как простая полуграмотная крестьянка, которая и книжку-то вблизи только на днях увидела, могла прийти до таких глубоких выводов? Как? Только сказать мне было вообще нечего.

А Яра улыбнулась. Первый раз за этот разговор.

Мы сидели у камина до тех пор, пока последнее полено не прогорело в угли.

А потом девушка встала, поправила косу и сказала:

— Спокойной ночи, лорд Рогнар.

— Спокойной ночи, Яра.

Она ушла. А я остался сидеть у камина и думать.

Я не знал, чем кончится эта история. Не знал, спалимся мы или нет. Не знал, что будет с Ярой в Академии. Но знал одно: я сделаю всё, чтобы её уберечь.

Потому что она это заслужила.

Потому что...

Я не договорил даже в мыслях. Она просто заслужила немного счастья. И я в силах ей помочь. И обязательно позабочусь, чтобы у нее все хорошо было. Вот так просто.

Я погасил последнюю лампу в зале и поднялся к себе.

Новая книга нашего литмоба уже с вами. Даника Дива "Контракт без права отказаться"
<https://litnet.com/shrt/Kyjo>

Часть 2. Академия драконьих невест

Глава 14. Яра

Мы подъехали.

Сердце почему-то билось так сильно, как никогда. И еще у меня почему-то руки тряслись.

Последние часы дороги милорд Рогнар заставлял меня читать. Я смотрела на непослушные, никак не желающие складываться в слова, буквы, продиралась сквозь длиннющие страницы. И еще он постоянно одергивал брата, который пытался заговорить со мной.

Одним словом, мы все нервничали. И кажется, нервозность передалась даже лошадям.

А потом мы остановились. Потому что дорога закончилась у запертых ворот.

Милорд, который с зелеными глазами — я почему-то никак не могла вспомнить имя, — велел мне оставаться внутри, хотя сами они с братом вышли.

А я смотрела в окно и не верила своим глазам. Стены были высокими — такими высокими, что я запрокинула голову, а всё равно не увидела верха. Серые. Холодные. С бойницами, как в замках на картинках.

— Это и есть Академия? — спросила я, заглянувшего внутрь голубоглазого.

— А ты чего ждала? — усмехнулся Дэйнар. — Домик с цветочками?

Я промолчала. Чего я ждала... Да ничего! Но не тюрьмы уж точно.

Потом оба одинаковых милорда вернулись в карету. Ворота открылись со скрипом, будто их не смазывали сто лет. И карета въехала во двор. Внутри было пусто, каменно и очень т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.